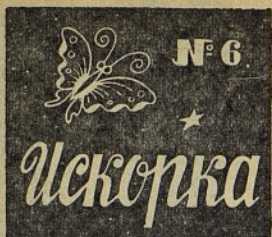

Искорка

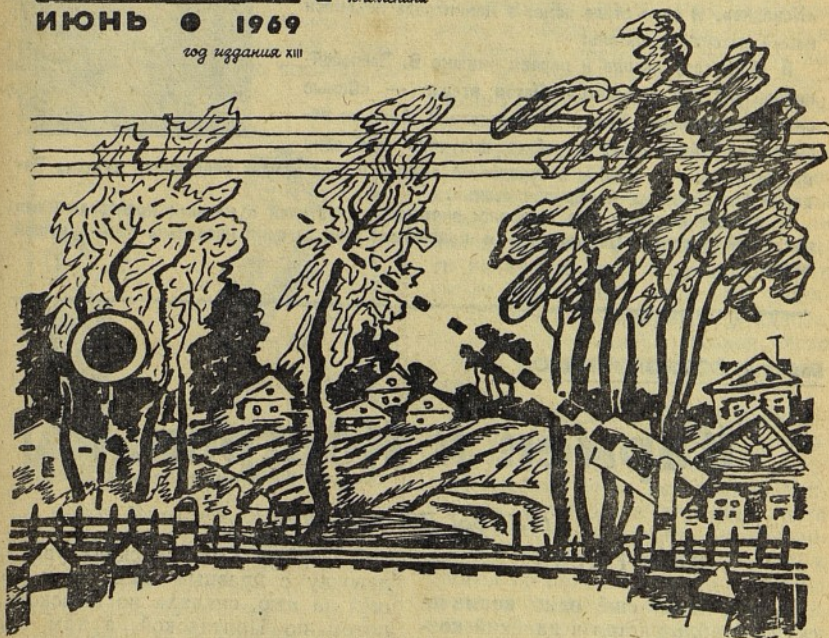
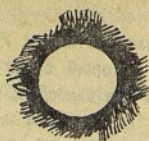

ИЮНЬ • 1969

год издания XIII

газета
«ювенильные
поэты» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И. Ленина

М. ОЛЬШАНСКИЙ

Рис. Г. Ясинского

Н А Д А Ч У

Автобус сонно вздрогнул,
Зевнул и...
Заспешил.
Дома помчались дробно
Вдоль улиц и машин.
Мотор ворчит простуженно
От сквозняков и ветра.
Звенит автобус лужами,
Вдыхает километры.
Солидно,

Озабоченно
Автобус в гору влез...
Спешат за ним обочины,
Летит навстречу лес.
Но нам,
Но нам не терпится.
Мы к лету на пути.
О чём колёса шепчутся?
Лети!

Лети!
Лети!

ОБЛАСТНАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА
г. Саратов

Читальный

В 1962 году газета «Смена» проводила конкурс на лучший молодёжный рассказ. Победителем в нём стал молодой инженер-химик Валерий Воскобойников. И, казалось бы, в Ленинграде появился новый писатель, который будет создавать прозаические произведения для взрослого читателя.

Но случилось иначе. Следующий рассказ Валерия Воскобойникова — «Цветные карандаши» — появился в журнале «Костёр». Потом сразу три рассказа в «Искорке». И всем стало ясно: в Ленинграде появился новый детский писатель!

В 1966 году вышла и первая книжка В. Воскобойникова «Я еду отдыхать». Потом вторая — «Самые сильные во дворе». Вместе с писателем В. Арро он побывал в Узбекистане, и ребята получили ещё одну новую книжку — «Аисты в городе». А осенью к ним придёт следующая книжка Валерия Михайловича — «Другая осень».

У нашего журнала есть правило: знакомить читателей с новыми произведениями писателей заранее. Поэтому мы и предлагаем вам сегодня несколько глав будущей книги.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Кармен и Костровы

(ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ)

В ЭТОТ ДЕНЬ

В этот день ещё один космический корабль улетел в далёкий космос.

А Гриша Костров получил первую в жизни двойку.

В этот день герой труда Николай Симеонов сделал в подземном туннеле испытательный рейс к новой станции метро.

А Галя Кострова пошла в магазин, купила полкило камбалы для дрессированного кота Тиграша, но эту камбалу отнял у неё хулиган Кармен.

В этот день папу Кострова выбрали председателем цехового комитета.

В этот день мама Кострова сдала ещё один зачёт в заочном институте. Институт тот она давно уже кончает, и всё ей никак не кончить.

А Серёжа Костров снова увидел девочку с красным шарфом и пошёл за нею, сначала по Невскому, потом по Полтавской, а там она села в трамвай, трамвайные двери закрылись, и Серёжа долго стоял один около пустых рельсов.

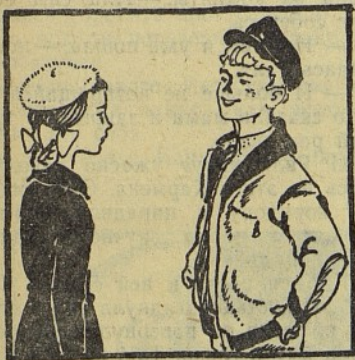

КАРМЕН И КАМБАЛА

Галя не помнит, где и когда её впервые увидел Кармен. Не очень-то ей нужно и знать.

Может быть, это он сидел рядом на воскресном киноутреннике и больно толкался. А может быть, это был другой.

Может быть, это он поймал их домашнего дрессированного кота Тиграша и чуть не покрасил его красной пожарной краской, хорошо тётя Надя, дворник, поспела во время.

А может быть, это был не он.

Но однажды Галя несла из магазина камбалу, всё для того же кота Тиграша. Камбала, обернутая бумагой, лежала в сетке. И ей, Гале, навстречу из-за угла вышел этот Кармен. Он вышел, молча встал перед нею и засвистал хулиганскую песню.

Галя шагнула в сторону, и Кармен шагнул в сторону. Галя сделала шаг назад, а Кармен тоже шагнул, только вперёд.

Тогда Галя уронила сетку с камбалой, повернулась и побежала вокруг дома. В этом доме был физкультурный техникум. В этом доме было несколько выходов, все они соединялись внутри, но о них мало кто знал из посторонних людей.

Галя вбежала в ту дверь, которую ночью и днём охраняли каменные спортсмен со спортивной сумкой, и выбежала через ту, из которой выходили сытые люди, пообедавшие в

столовой. Эта дверь открывалась в Галин двор. Кармена во дворе не было. Он, конечно, ходил около каменных спортсменов.

ДВОЙКА ГРИШИ КОСТРОВА

Гришу Кострова посадили вместе с неряхой Саней Куницыным. С Куницыным за месяц уже посидели двое, и обоим он сделал неряхами.

Куницын постоянно шмыгал носом. У Куницына были постоянно грязные руки. Утром его приводила бабушка, и он был чистым. Его проверяли санитары и ставили в списке плюс. Но к последнему уроку он успевал наставить кляксы на руки, а иногда и на щёки. Ещё он находил где-то разную грязь. Локти пачкал мелом, перемазывался в смоле. Однажды, когда его решили оставить на перемену в классе, он и в классе нашёл ржавое место у труб и перемазался в этой ржавчине.

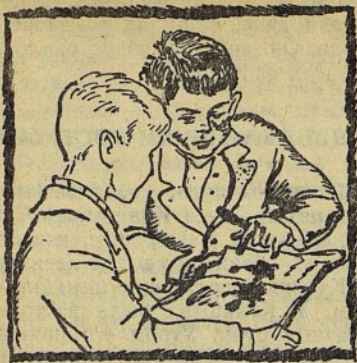
Гриша отсидел с Саней Куницыным первый урок. На первом уроке Куницын был чистым.

Но потом, когда все писали букву «л», Куницын в середине листа сделал большую кляксу. Он не промокнул её, а захлопнул тетрадь и провел по обложке кулаком. Потом снова раскрыл и показал Грише, какая интересная получилась на листе фигура. Как жук. Толстый жук отпечатался на обеих страницах.

Тогда Гриша отвинтил колпачок у ручки и тоже поставил две кляксы. Он так же захлопнул тетрадь и нажал кулаком на обложку. Получился не жук, а бабочка. Бабочка с усиками.

За эту бабочку Гриша получил двойку. Двойка тоже была почему-то с усиками.

— Саня Куницын — он всегда нечаянно ставит кляксы, и ему поэтому три с двумя минусами, — сказала Маргарита Львовна, учительница, — а тебе, Гриша, два. Серёжа, твой брат, никогда не рисовал специальных клякс.

Она любила вспоминать про Сережу, потому что учила его когда-то целых четыре года.

И СНОВА КАРМЕН

Утром в воскресенье в доме не стало хлеба. Вернее, его не стало ещё вечером, когда мама принесла его, тёплый и мягкий, и весь этот хлеб съели за раз.

Серёжа встал рано, чтобы сидеть у окна и молча смотреть, как летают по двору листья.

Гришу в булочную не посылали. Пришлось собираться Гале.

— Ещё купи песку и масла топленого, — сказала на прощанье мама. — И пальто застегни.

Мама закрыла дверь, а через минуту — стук.

Это была Галя.

Галя прошла в кухню, постояла там несколько минут и снова ушла.

И сейчас же снова постучала.

— Ты что? — удивилась мама, потому что Галя тяжело дышала, словно успела пробежать уже километр.

— Да я... — сказала Галя растерянно, — я деньги забыла.

А на самом деле по двору ходил Кармен. Встал в такую рань, чтобы прийти к Гале во двор. Он ходил кругами, не прячась, около парадной, и его было не обойти.

— Как же ты забыла, если деньги у тебя в руке? — спросила мама.

— Я помру с голоду! — крикнул папа из комнаты. — Или сам сейчас соберусь.

— Нет-нет, я уже пошла, — испугалась Галя.

— И больше не возвращайся! — Это сказала мама и закрыла в третий раз дверь.

И Галя вдруг ужасно разозлилась на этого Кармена. Она пошла по коридору к парадной, громко топая, а потом звучно стукнула уличной дверью.

Кармен стоял к ней спиной. Галя со злостью взглянула ему в спину и, когда он повернулся, посмотрела ему в глаза. Так, ни слова не говоря, она и пошла на него, глядя в глаза не мигая. И он не засвистел, как обычно, хулиганскую свою песню, он вдруг сам отвлёк взгляд, потом шагнул к стене, повернулся лицом к выбеленной штукатурке и стал делать вид, будто рисует на этой стене.

А Галя прошла мимо, глядя вперёд, только вперёд, высоко подняв голову, ни на что не отвлекаясь и чётко делая шаг.

Когда она возвращалась назад, Кармена во дворе не было.

КТО ЖЕ ТАКОЙ — КАРМЕН?

Вечером Галя включила радио и вдруг услышала хулиганскую песню. Эту песню по радио пел артист, эту песню играл оркестр. Эту песню всегда свистел Кармен. Галя быстрее выключила радио: вдруг подумают, что она любит слушать хулиганскую музыку. Потом, минут

через двадцать, она снова включила, и диктор вдруг сказал:

— Мы передавали оперу «Кармен».

А потом он стал говорить дальше — обычные слова.

Радио стояло у Костровых на полке в большой комнате. Сейчас в этой комнате сидел ещё Серёжа. Он читал книжку. Вернее, он не сидел, а полулежал на диване.

Галя посмотрела в зеркало. В зеркале отражался Серёжа. Нет, в самом деле читает, не подслушивает, что она там делает.

Галя походила вокруг него, не решаясь спросить про Кармена.

Но вот он перевернул страницу и потянулся.

— Про какого Кармена опера, а? — спросила вдруг Галя неожиданно для себя.

— А кто это Кармен? — удивился Серёжа.

— Ну, хулиган такой.

— Хулиган? Про хулиганов оперы не пишут. Не знаю я Кармена.

«Может, мне послышалось? — подумала Галя. — С чего это вдруг про Кармена и опера. А как же песня? Его же песню пели».

Гриши дома не было. Он пропадал у соседа сверху, у старика Бовина. В маленькой комнате папа делал модель самолёта. Он не любил, когда ему мешали работать.

Галя пошла на кухню. На кухне мама варила бульон. Ещё она чистила картошку.

— Помогать пришла? — спросила мама и подвинула Гале миску с нечищенной картошкой.

— Мама, — спросила Галя, — про хулиганов пишут оперы?

— Хулиганов, сдают в милицию. — Мама подошла к бульону и стала снимать пенку.

— «Кармен» — это про кого опера? — снова спросила Галя.

— «Кармен»? Где ты услышала? Галя смутилась и подумала — вдруг ей в самом деле послышалось.

— По радио... — сказала она неуверенно.

— Такая опера есть. — Мама немного помолчала. — Но тебе ещё рано про неё знать.

Больше мама ничего не сказала. Резала овощи, резала картошку, которую чистила Галя, а разговор не продолжала.

А Галя тоже не стала больше расспрашивать.

БЕШЕНЫЙ БОЙ ЗА ГОРОД КУРСК

— Слушай, — сказал Грише Кострову неряха Саня Куницын, — сегодня ты поведёшь меня домой.

— Почему? — удивился Гриша.

— У бабушки партийное собрание, а мама с папой работают. Я сказал, что ты.

— Лучше в продлённом дне останемся вместе, — предложил Гриша.

— Я бабушке сказал, значит, всё, — провай меня.

Гриша согласился.

До Санниного дома было близко, даже улицу переходить не надо — Санин дом был на углу.

По дороге Саня крутил головой во все стороны и успевал ещё пинать ногами лежащие на асфальте предметы. Даже урну однажды пнул.

А когда они проходили мимо кухни-столовой, Саня остановился и заглянул в открытые окна. Кухня была внизу, в подвале, там парили огромные котлы на плитах, а вокруг ходили два здоровенных человека в белом.

— Бросим в котёл кирпич, а? — сказал Саня Куницын. — Или кусок асфальта. Повар не заметит, начнёт в тарелку суп наливать, а вместо мяса — кирпич. Вот смешно! — Лучше пойдём, — испугался Гриша. Почему-то ему не хотелось кидать куски асфальта в котёл повару.

— Смотри, человек спит, — показал Саня на другое окно. — Лежит на кровати и спит. Давай крикнем что-нибудь звериными голосами, он и проснётся. Вот смешно!

Но Грише и кричать тоже не захотелось.

Потом Саня увидел дверь с надписью: «Осторожно, окрашено». Он приложил к этой двери ладошку со всеми пятью пальцами и едва её оторвал, — так она приклеилась свежей краской. Ладонка сразу стала коричнево-красной. И пока они дошли до Саниного дома, он успел покрасить себе и лоб, и нос, и шею. А потом ещё вымазал дверь своей квартиры: оставил на ней пять коричневых пальцев.

Когда они открывали дверь, вышла соседка.

— Саня, бабушки дома нет, — сказала соседка.

— А меня вот он провожает, — показал Саня на Гришу.

— Разве тебе разрешили быть дома одному? — удивилась соседка.

— А я вот с этим буду, — снова показал на Гришу Саня.

Соседка покачала головой и ушла в свою квартиру.

Гриша сразу хотел уйти назад, в школу, в продлённый день, потому что за ним должна была зайти Гали. Но Саня запер дверь на какой-то хитрый замок и сказал:

— Давай играть, а то я тебя не выпущу.

И пришлось Грише играть.

Хотя играл в основном один Саня, а Гриша молча сидел на стуле.

Сначала Саня открыл пианино, оставив при этом на крышке страшные следы от грязной руки. На пианино он сыграл, как ходит медведь, а потом стал изображать бешеный бой за город Курск. Рвались снаряды, грохотали танки, выли само-

лёт — всё это изображал Саня, помогая пианино завыванием, криками и топаньем ногами.

Бой продолжался бы ещё долго, если бы с обеих этажей, сверху и снизу, не стали бы стучать по батарее. А ещё в пианино что-то вдруг лопнуло, может быть главная струна, и оно перестало работать.

— Придумал! — сказал Саня, отдохнув минуту на стуле напротив Гриши. — Давай насыплем в пакеты землю из горшка и на голову прохожим — пум! Он идёт, а ему вдруг земля на голову. Вот смешно!

Хотя Гриша не хотел играть в эту игру, Саня всё-таки вырвал из своей тетради листок, отсыпал в него землю, открыл окно и кинул в двух девочек. Пакет упал, стукнулся об асфальт, не попав в девочку, и земля рассыпалась. Следующий пакет попал точно в голову пожилому человеку, прямо по лысине. И когда Саня стал носиться по комнате, хохоча, подпрыгивая и сшибая ровно расставленные стулья, Гриша выглянул в окно.

Человек стоял, недовольно морщась, стряхивая землю с головы, из-под воротника, а потом он поднял голову. И Гриша вдруг увидел, что это сосед, старик Бовин. И портфель был его — с рулоном. Гриша ходил к Бовину каждый день разговаривать и клеить Дворец Советов для Гали, а теперь получалось, что он, Гриша, как бы кинул в старика землёй.

Гриша сразу спрятался и не

знал, что было дальше: узнал ли его Бовин или не узнал и пошёл по своему делу.

— Пусти меня, — сказал Гриша, — я пойду.

Но Саня не выпускал.

Тогда Гриша сел в угол и устался в трещину на полу.

Саня прыгал перед ним, махал своими грязными руками у самого лица, орал, топал, плевал на дорожку полированную мебель, но Гриша не взглянул на него ни разу и только смотрел в ту трещину на полу.

КАРМЕН В ЛИФТЕ

Галя вошла во двор, где живёт пенсионерка, и увидела Кармена.

И сразу Галя поняла, что это его двор. Кармен стоял здесь свободно, совсем иначе, чем во дворе Галином. Он стоял, повернувшись к ней спиной, задирал голову и смотрел на небо. А Галя, конечно, не видел. Он видел маленькие точки — самолёты. Самолёты летели высоко и оставляли за собой белые полосы. Было похоже, что не самолёты это летят, а что полосы сами по себе растут.

Так они, Галя и Кармен, стояли несколько минут. Кармен смотрел на небо, а Галя — на Кармена.

Потом Кармен оглянулся и увидел Галя. Он вздрогнул. Он не прыгнул к ней, чтобы отнять что-нибудь, хотя в руках у Гали ничего

и не было. Он не засвистел свою хулиганскую песню, которую почему-то исполняли по радио народные артисты. Он съёжился и побежал в парадную. Галя поняла, что это от неё он бежит.

Галя вошла в ту же парадную, куда убежал Кармен, потому что ей нужно было именно сюда. В лифте стояла женщина и держала две сетки, набитые картошкой. А за сетками жался к стене Кармен. Галя увидела его только когда вошла в лифт.

Она отвернулась к двери, стала глядеть, как лифт проходит мимо лестниц, но он сразу остановился, потому что женщина вышла на третьем этаже, а Гале надо было на шестой.

Галя смотрела на кнопки, но нужную, рядом с цифрой шесть, не нажимала.

Кармен тоже смотрел на кнопки и тоже не отодвигался от стены. Внизу уже кто-то разговаривал, потом застучал по лифту.

— Тебе на какой этаж? — спросил вдруг Кармен хриплым, не своим голосом.

— На шестой, — сказала Галя и вдруг поняла, что надо сделать. — Но я пойду пешком.

— Это я пойду пешком, — сказал Кармен всё тем же хриплым голосом.

Но Галя вышла уже из лифта. И Кармен тоже выскочил вслед за ней на площадку. Кабина сразу дёрнулась и пошла вниз.

Галя начала подниматься по лестнице. Кармен поднимался за нею. Он тяжело дышал, а Галя всё ждала, что он сейчас что-нибудь такое сделает.

«Как закричу сразу! — подумала Галя. — Я поручение выполняю, а он мешает».

Но Кармен вдруг заговорил:

— Правда, что у тебя отец — чемпион?

— Какой чемпион? — спросила Галя, потому что не поняла. Она даже остановилась, такой это был неожиданный вопрос. — Какой чемпион? — спросила она снова.

— По авиамоделям.

— По авиамоделям? — сказала она, всё ещё не понимая, о чём Кармен спрашивает. Но тут она поняла и обрадовалась. — Ах, по самолётам? Конечно, чемпион.

— А можно, я к вам в гости придду? — сказал вдруг Кармен просительным голосом. — Можно, а?

— Зачем? — Галя совсем удивилась.

— Я планер сделал.

И тут вдруг Галя поняла, почему он к ней приставал всю эту неделю. Это он из-за папы, значит, приставал. Чтобы к нему прийти. Но она спросила на всякий случай:

— А будешь ещё лезть?

— Не буду.

— Ладно, приходи как-нибудь.

Галя позвонила в дверь, а Кармен позвонил в соседнюю. Оказывается, его квартира была рядом.

КАРМЕН ПРИХОДИЛ ЗРЯ

Вечером папа был в авиамodelьном клубе, а мама сидела в маленькой комнате — решала задачки для института.

Когда в дверь постучали, Галя сразу поняла, что это Кармен. Сначала постучали тихо, неуверенно, потом сильно грохнули, а потом снова едва царапнули дверь, испугавшись своего грохота.

Галя открыла дверь. И правда, за дверью стоял Кармен. Он держал большой кособокий планер и шмыгал носом.

— Что такое? — спросила мама из комнаты.

— Мама, можно к нам Кармен придёт? — крикнула в ответ Галя.

— Кармен? — удивилась мама, по-прежнему сидя в комнате. — Так про него это ты спрашивала, про того хулигана?

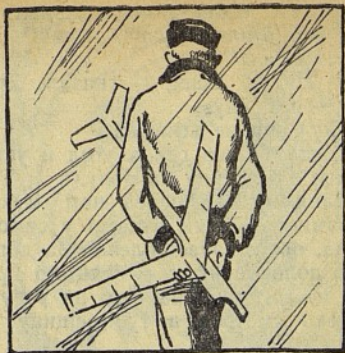
— Он и не хулиган совсем.

— В воскресенье ей из дому не выйти. В школу она через кладбище ходит.

«Наверняка Гришенька наболтал», — подумала Галя.

— И неправда! Неправда! — закричала она.

— Иди сюда и закрой дверь! — Мама даже не встала со стула.

Всё это слушал Кармен. Он уже сам повернулся и пошёл назад, на улицу. Когда он поворачивался, крыло планера задело за стенку и ещё больше скособоилось.

— Мне надоело такое стоянье! — крикнула мама. — Иди сейчас же сюда!

— Кармен, подожди, — сказала Галя и пошла в комнату к маме.

— Сядь, посиди на стуле.

— Он не хулиган, — начала Галя.

Но мама её перебила:

— Ты видишь, я занимаюсь. Сиди и молчи.

Галя просидела так на стуле неизвестно сколько времени. Потом она встала. Мама не заметила. Она пошла к двери. Мама молчала.

Она выбежала во двор, потому что Кармен должен был ждать её во дворе. Но во дворе нигде его не было.

Во дворе вообще не было ни одного человека, дул холодный ветер и шёл брызгами дождь.

Когда Галя вернулась в квартиру, мама ей ничего не сказала.

ВЗРОСЛАЯ БЕЛАЯ МЫШЬ

А через несколько дней, когда Галя и Гриша шли из школы домой, они столкнулись с Карменом.

— Кармен, — сказала Галя Кармену, — завтра у меня день рождения, и уж завтра тебя не выгонят.

— Поздравляю, — сказал Кармен тихо.

— Думаешь, подарок надо? Приходи так — кому какое дело. Я пригласила, и всё.

— И я приглашаю,— сказал Гриша. — Ты придёшь, а я не скажу, что ты Кармен. Я скажу: «Вот пришёл Федя».

— Конечно, Федя!—обрадовалась Галя.

Она хотела спросить у Кармена, как его в самом деле зовут, но постеснялась. А он не сказал.

К ШЕСТИ пришли первые гости: Таня Штабова и Люда Наварская, девочки из Галиного класса. Они принесли общий подарок — книгу писателя Эрля. В книге было много красивых картинок: звери, нестрашные из-за своей красоты. Звери ходили среди сельскохозяйственных растений и отворачивались друг от друга.

Папа достал с антресолей пластинки и включил проигрыватель. Все сели на диван и стали слушать громкую музыку.

Потом пришел Галин дядя — Евгений. Он хоть и приходился Гале дядей, а маме двоюродным братом, но был даже младше Гали на две недели. И через две недели ему тоже исполнялось десять лет.

— Дядя Женя! Дядя Женя! — смеялся Серёжа, потому что Серёжа и вовсе был старше дяди на несколько лет.

— Здравствуйте, племяннички, — отвечал Евгений.

И смеялись теперь уже все, потому что это была старая домашняя шутка.

— Можно накрывать на стол, — сказала мама, — вряд ли ещё кто придёт.

— Где же ваш Федя? — спросил папа Галю и Гришу. — Он знает дорогу?

— Знает, — ответила Галя.

И ей стало неудобно оттого, что и Таня Штабова и Люда Наварская удивлённо на неё посмотрели: что за Федя?

Мама разложила на столе в большой комнате тарелки, вилки, принесла хлеб, вкусную еду, папа включил громкую музыку, и в это время в дверь постучал Кармен. Он стучал так же, как в прошлый раз.

И Галя, как и тогда, сразу поняла, что это стучит он.

Галя побежала открывать дверь, чтобы не открыла мама.

Кармен раздевался, неловко держа большой свёрток, окутанный белой материей. Планера у него с собой не было.

— Здравствуйте, — сказал он подошедшей маме, — поздравляю Галю с днём рождения.

— Здравствуй, Федя, здравствуй, — ответила мама и внимательно посмотрела на свёрток.

Со свёртком в руках Кармен прошёл в комнату.

Следом за ним в комнату из кухни помчался кот Тиграш. Кармен еще раз сказал «здравствуйте» и, ни на кого не глядя, стал разворачивать материю.

Все замолчали и стали смотреть на эту материю, даже дрессированный кот Тиграш.

— Вот, — сказал Кармен Гале, — это, чтобы ты любовь к животным тренировала.

Материя запуталась. Кармен долго её дергал, а кот Тиграш сидел на диване и почему-то нервно перебирал лапами.

Наконец материя лопнула, упала на пол, и в руках Кармена все увидели клетку. Клетка была небольшой, а внутри клетки сидела белая взрослая мышь.

— Ой! — закричали Таня Штабова и Люда Наварская. — Ой, мы боимся! — И полезли на диван.

— Ай-й-й-й! — взвизгнула вдруг мама Кострова и уронила праздничную сладкую ватрушку.

Даже Гриша и тот убежал на другую сторону стола.

А Кармен нажал с перепугу от их криков какой-то крючок на клетке, и мышь выбежала на стол.

Она стала не спеша бегать между тарелками и, добежав до края стола, поворачивала назад. А все кричали, визжали.

Но тут внезапно дрессированный кот Тиграш одним прыжком вспрыгнул на стол, белая мышь мгновенно оказалась у него в зубах, только голый хвост свисал на сторону. Он тихо, по-звериному, и медленно пошёл с нею между тарелок к дивану. Все дали ему место на диване, и он махнул сначала на это место, потом на пол и понёс свою добычу на кухню.

Все молчали.

— Я её в зоомагазине купил, — сказал вдруг Кармен виновато, — она не кусается.

— Я знаю, кто ты! Знаю! Ты — Кармен! — вскрикнула мама и внезапно громко охнула.

А Кармен сразу заплакал, повернулся и побежал в прихожую. Пока он бежал, с вешалки упало его пальто, а следом упала шапка. Кармен схватил их, пальто и шапку, и, не одеваясь, выбежал из квартиры.

Галя тоже заплакала и пошла в маленькую комнату. Там она села на стул и плакала долго и громко. К ней подходили, что-то говорили, одни пытались гладить по голове, другие, наоборот, кричали на неё, но она никого не слушала, а только отворачивала голову и продолжала плакать. Постепенно она затихла, а потом так и заснула, положив голову на руки, а руки — на спинку стула.

Она не слышала, как все расходились, так и не попробовав вкусного угощения, не помнила, как её, сонную, мама перевела на расстеленную кровать, раздела и накрыла одеялом.

Утром из Гришиного класса пропал стул. Уже ученики пришли, а около учительского стола стула нет.

На первой парте у окна сидел второгодник Сивцов. Он сходил куда-то на несколько минут и вернулся со стулом. Всё у нового стула было нормально, только ножки не четыре, а три. Четвертую ножку Сивцов нёс в руке. Он поставил стул около стола, приладил ножку и отошёл.

— Сивцов, что делаешь? — сказали девочки. — Упадёт же Маргарита Львовна.

— А вы лучше молчите, — ответил Сивцов, — вас не спрашивают.

— Сядёт и вдруг упадёт — вот смешно! — сказал неряха Саня Куницын рядом с Гришей.

Второгодник Сивцов был самым сильным в классе, и его боялись. Поэтому спорить не стали. И ещё интересно было всё-таки посмотреть, что будет. А Сивцов пригрозил:

— Кто скажет, плохо тому станет.

Начался урок. Сначала учительница ходила между колонок, потом она постояла у доски, потом у стола. А потом решила сесть.

И Гриша вдруг представил, как вот она сейчас сядет и сразу упадёт. И стул будет валиться рядом. И как всё это будет плохо. И страшно ему стало очень. И он вдруг сказал:

— Маргарита Львовна!

— Ты хочешь спросить меня, Гриша? — откликнулась Маргарита Львовна. — Тогда подними руку.

Гриша поднял руку и встал. Но он не знал, о чём спрашивать. Он стоял, молчал и не мог придумать.

— А почему в такую погоду небо синее? — вдруг сказал он.

Маргарита Львовна недовольно покачала головой.

— На другом уроке я отвечу. Сейчас у нас русский.

Она снова отошла к доске, а Гриша крутился за партой и старался на неё не смотреть.

«Только бы не села, только бы не села», — думал он.

Но Маргарита Львовна снова решила сесть. И Гриша снова поднял руку. Маргарита Львовна этой руки не заметила. Тогда Гриша крикнул:

— Маргарита Львовна!

— Что такое? — удивилась учительница и даже немного испугалась.

Гриша вскочил:

— Почему, когда луна светит — холодно, а когда солнце — тепло?

— Я тебе всё объясню потом. Садись и больше не спрашивай.

Гриша сел, а Маргарита Львовна прошла вдоль его колонки. Она задержалась около стены, и потом снова пошла к столу.

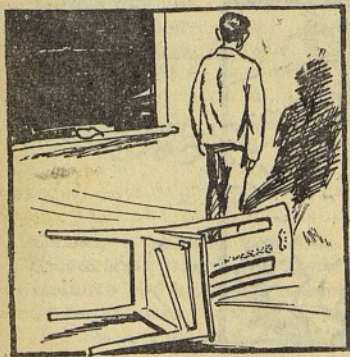
— Откройте тетради, — сказала она.

Все зашевелились, зашуршали тетрадями, и Гриша тоже достал свою. Но тут Маргарита Львовна снова пошла к столу.

— Маргарита Львовна! — закричал Гриша в третий раз, уже не поднимая руки.

Маргарита Львовна посмотрела на него и промолчала.

— Маргарита Львовна! — вскричал Гриша. — Почему каменный уголь как камень, а горит?

— Сейчас тебе будет уголь. И уголь тоже будет, — сказала Маргарита Львовна спокойным, но очень злым голосом. — Вот этот уголь. — Она показала на уголь око-

ло двери. — Встань сюда, повернись спиной к классу и успокойся. Серёжа, твой брат, никогда такого не делал.

Гриша чуть не заплакал — так глупо всё получилось. Он медленно пошёл в угол и стал там лицом к стене. А все в классе молчали. Гриша стоял и разглядывал крапинки краски...

— На чём я остановилась? — спросила Маргарита Львовна.

В это время раздался грохот. Это стул упал сам по себе. Он упал около Маргариты Львовны, а ломаная ножка отлетела далеко под парты.

— Теперь мне ясно, — сказала Маргарита Львовна. — Костров, садись на место. А после уроков приведишь папу в школу.

Гриша не понял сначала, зачем папу нужно вести в школу. Он пошёл к парте, а Маргарита Львовна продолжала говорить, не обращая на него внимания.

И только к концу урока Гриша понял: учительница решила, что стул подставил он, Гриша.

Гриша посмотрел на Сивцова. Тот сидел как ни в чём не бывало. Делал вид, что внимательно слушает. Гриша посмотрел на Саню Куницына. Саня рисовал на ладони чернильные кружки, а потом размазывал их пальцем.

Урок кончился, и Маргарита Львовна сказала:

— Гриша, я напишу записку, передашь её родителям.

И стала эту записку писать.

А Сивцов сидел за своей партией, смотрел на Гришу злыми глазами и молчал. И никто в классе не сказал, что не Гриша подставил этот ломаный стул, а второгодник Сивцов.

Маргарита Львовна уже подписывалась, и вдруг Саня Куницын рядом с Гришей поднялся и неожиданно громко сказал:

— Это я, Маргарита Львовна.

— Что — ты? — подняла голову Маргарита Львовна.

— Это я стул поставил. Я больше не буду.

— Правда? — спросила Маргарита Львовна. — Правда? — повторила она ещё раз и оглядела всех.

Но все молчали.

— Хорошо, я поговорю с твоей бабушкой, а Гриша... Гришиных родителей пока вызывать подожду.

Она взяла журнал и вышла из класса.

И второгодник Сивцов сейчас же вскочил.

— Дурак! — закричал он Сане. — И ты дурак тоже! — он повернулся к Грише. — Я и сам бы мог... — Он хотел ещё что-то сказать, но махнул рукой и выбежал в коридор.

КОЛЯ ПОТАПОВ

Однажды в квартиру вошёл папа. Следом за ним шёл Кармен. Кармен молчал, опустив голову. В руках у него был тот же планер с кривыми крыльями.

Из кухни выглянула мама. Но папа сразу сказал:

— Нам некогда. Мы будем работать.

Он снял с Кармена пальто, повесил на вешалку и провёл в маленькую комнату.

— Это Кармен? — спросила шёпотом мама.

— Неважно, — сказал папа, — это Коля Потапов. Мы будем работать!

Он захлопнул дверь в маленькую комнату. Из-за двери слышались иногда отдельные слова да шум папиной ножовки.

Потом папа проводил Кармена до двери. Кармен был без планера, — вероятно, оставил в папиной комнате.

Папа открыл ему дверь, но он не уходил. Стоял у двери и чего-то ждал.

— Галя, — сказал папа, — ты, вероятно, проводишь своего товарища?

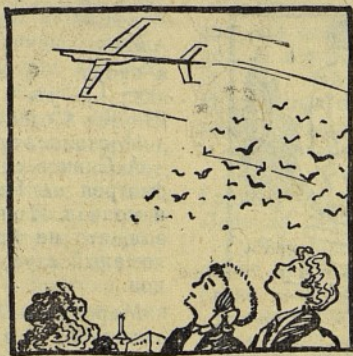
И Галя сразу вышла из кухни, где она была около мамы. И надела пальто. И пошла вместе с Карменом во двор.

Как только Кармен ушёл, дверь из кухни распахнулась и мама произнесла:

— Это всё-таки Кармен или не Кармен?

— Он сконструировал новый тип планера, ты понимаешь? — спросил папа.

— Я понимаю, я всё понимаю, — вздохнула мама.

МЫ СТРОИМ ДОМ

Стучит топор,
Поёт пила,
К звену звено,
К доске доска.
Полсруба есть,
Пора присесть,
Смахнуть обильный
Пот со лба,
Глотнуть воды
Из котелка
Такой, чтоб
Скулы боль свела,
Чтоб небо в ней
И облака.
И снова взяться
За топор
И с ним затеять
Дружный спор.
Тесать бревно,
Тесать ровней.
Мы строим дом!
Давай скорей!
Потом придём
Сюда гурьбой.
Так пой, пила,
Звончее пой!

Люблю я полями и лесом
Шататься с плетёным лукошком,
Нырять под зелёным навесом,
Срывать васильковые брошки.
Люблю я прислушаться к эху,
Смотреть на рыбёшек в затоне,
Тянуться за спелым орехом,
Пить звонкую воду с ладони.

Рис. Ю. Бочкарёва

Синий бор что монастырь —
Звон идёт от гулких шишек.
Я сегодня поводыр
Целой армии мальчишек.
Я вожу их за собой,
Где в норе живёт лисица.
Что поют-щебечут птицы,
Я сегодня сам не свой.
Где тут щёлкают щеглы?
Чей тут смех?
А где кукушка?
Вознесённые стволы
Машут флагами макушек.
Шелестит, шуршит листвою
День июньский, день погожий.
И в лесу я не прохожий,
Я в лесу, как дома, — свой!

ДОЖДИК

Стучится дождик в рамы:
«Пусти меня,
открой!
Пришёл я с соловьями
И красною весной».
Я настежь обе створки:
— Входи, желанный друг! —
А он уж на пригорке,
Потом сбежал на луг.
Ворвался в рощу, звонкий.
Лей, дождик, не скупись!
По веточкам по тонким,
Чтоб соком налились.
Омыл он листик каждый,
Вокруг светлым-светло!
И дальше, дальше, дальше,
Умчался за село!

Путешествие по стране «Июнь»

Интересные встречи в стране «Июнь» бывают и среди белого дня и среди белой ночи. Приключения и события ждут путешественника на каждом шагу.

Но комариное войско надёжно охраняет лесные тайны. Теперь только самые упорные и любознательные путешественники проникают в лесные дебри. Там им открывается первая тайна: оказывается, не все комары кровопийцы! Кровь-то, оказывается, пьют одни комарихи. А комары, как нежные бабочки, питаются нектаром цветов.

Много забот у птиц, — во всех гнёздах уже появились птенцы. Но хватает времечка и на песни: ведь сейчас самые длинные дни и самые короткие ночи.

Больше всех птенцов в гнезде у большой синицы — целая дюжина! И меньше всех у козодоя — всего два. Много ли птенцов или мало — всё равно надо их защищать. Отовсюду слышны тревожные птичьи голоса. Если их крики переводить на человеческий язык, то только и слышно: «Караул! Помогите!» Или: «Осторожно! Спасайтесь!»

Птицы, которые гнездятся компаниями, при виде хищника громко зовут на помощь соседей. Ласточки, воробьи, дрозды-рябинники общими силами прогоняют врага.

Понаблюдайте за ними, послушайте их — и вы научитесь понимать птичий язык.

Птичий трудовой день длится шестнадцать—девятнадцать часов. С рассвета дотемна надо кормить птенцов: самим и червячка заморить некогда. Больше ста раз в день приносит корм птенцам лесной конёк. А мухоловка-пеструшка — больше четырёхсот. Зато и птенцы растут не по дням, а по часам. Иные перед вылетом становятся тяжелее своих родителей!

Но птенцы не дармоеды. Чем больше они едят, тем больше приносят пользы. Птицы очищают от вредных насекомых наши леса, сады и поля. Даже хищные птицы работают на нас. Одна сова за лето съедает тысячу полёвок и тем самым сохраняет зёрна. А как птицы украшают и оживляют наши леса и поля!

В июне зайчата, лисята, медвежата, барсучата, лосята и бельчата набираются ума и сил. Можно и их повстречать, если путешествовать настойчиво и умело.

На полях колосятся хлеба. Зреют в огородах овощи. Луга готовятся к покосу. Цветут цветы, порхают бабочки, копошатся жуки. Всюду кипит жизнь.

Всё у тебя есть: уши, чтобы всё слышать, глаза, чтобы всё увидеть, ноги, чтобы всюду пройти. И голова — чтобы всё понять. Была бы охота!

Кому помочь?

День и ночь кукушка в лесу кукует:

— Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

Только и слышно:

— Мне, кукушечка, помоги, мне!

— Не все сразу! Не все сразу! — отвечает кукушка. — По очереди! По очереди! Вот тебе, дрозд, какая от меня помощь нужна?

— Ой, нужна, кукушечка, уж так нужна! Первое моё гнёздышко разорили, второе тороплюсь кончить: стебельки — травинки нужны, глина нужна. Помогла бы?

— Ты, дрозд, в своём уме? — удивилась кукушка. — Я и своего-то гнезда не вью, охота ли мне с твоим возиться? Да и работа грязная: глину меси, глину носи, стебельки пыльные собирай. Уж ты сам как-нибудь справляйся. Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

— Мне, кукушечка, мне помоги, иволге. День и ночь в гнезде на яичках сижу, ножки, крылышки затекли, — ни попить, ни поесть. Подмени хоть на минутку!

— Что ты, иволга, что ты! Я и своих-то яичек никогда не высиживаю — охота ли мне на чужих маяться. Подкинь ты их в чужое гнездо, да и порхай без забот! Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

— Мне, мне, кукушечка, помоги! — запищала синица. — Дюжина синичат в дупле ждёт. Да у каждого аппетит за двоих. Шестьсот раз в день их кормлю: двести завтраков, двести обедов и двести ужинов. С ног сбилась, крылышки отмахала!

— Только этого мне ещё не хватало! — рассердилась кукушка. — Я и своих-то кукушат никогда не кормила, стану ли я с твоими желторотыми возиться! Пусть сами себе еду ищут. Какое мне до них дело? Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь?

Услыхал кукушку лесной конёк, подлец и спрашивает:

— А мне, кукушка, помочь сможешь?

— Помогу, коли захочу! Я добрая! — отвечает кукушка. — Что у тебя за работа? Тоже небось меси да носи, лови да корми?

— Я, кукушка, песни пою. Песни мне петь помоги, — говорит конёк. — От зари до зари пою: охрип, осип, осовел. Положено мне в день три тысячи восемьсот песен спеть, по двести двадцать песен на час. Аж в ушах звон!

— Вот это просьба так просьба! — обрадовалась кукушка. — Вот это по мне! А то заладили: принеси, посиди, покорми — слушать противно! Сами носите-кормите! А я лесному коньку песни буду помогать петь. От зари до зари. День и ночь. Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

Сердитые голоса

«Страшнее кошки зверя нет. Особенно для нас, птиц, гнездящихся у человеческого жилья. Это же злодеи и душегубы. Жалуемся на кошек. Нет больше терпения. Хватают без разбору и старого и молодого. Схватят и сидят себе на солнышке, жмурятся. Лапкой умываются. Смотреть противно!

И что только хозяева этих кошек думают? Мы им песни поём, комаров, мух ловим, гусениц в их садах и огородах поедаем, а они для нас пальцем пошевелить не хотят. Кошки разбойничают днём и ночью, а им и горя мало!»

Подпись: поселковые и деревенские ласточки, воробьи, горихвостки, мухоловки, скворцы.

«Ребята любят ходить в лес с собаками. То в пограничников играют, то в индейцев. Они играют, веселятся, а мы слёзы льём. Потому что нос у собак чутыистый — не спрячешься, ноги быстрые — не убежишь. Хорошо ежу: съёжится в колючий клубок и пыхтит. А остальным что прикажете делать? Ноги у нас ещё слабые, крылья ещё короткие. Один голос громкий. Вот мы и просим: не берите собак с собой в лес! Пожалейте вы наши головы!»

Подпись: лесные птичата и зверята.

«Оскорбляют словом и действием! Кого обзывают мерзкими тварями? Нас, жаб. Уж мы такие, уж мы сакые! Мы и противные, и скользкие, и ядовитые. Почему у ребят на руках бородавки? Тоже, оказывается, от нас. А раз так — бей жаб!

А ведь мы пользу приносим. Поедаем в ваших огородах слизней, гусениц, личинок. И бородавки совсем не от нас. И не такие уж мы уроды: у нас красивые золотистые глаза...

Не нравится вид наш, так хоть наши дела уважайте!»

Подпись: серые жабы.

Сойка и Дятел

— Грша! Грша! Кгха!
— Что с тобой, Сойка, жёлудем, что ли, подавилась? Чего хрипишь на весь лес?

— Обманули меня, Дятел, люди. Вот и верь им после этого! Яйца, говорят, полезно сырые пить, то да сё... Я целое лето птичьи гнёзда грабила, всё лето сырые яйца пила, а что толку? Как был голос противный, хрипучий, так и остался. Гха! Грша!

Шмель и Цветок

— Ответь мне, Цветок, ты кто — он или она?

— А я, брат Шмель, и сам не пойму!

— Как это не знаешь! Вот, например, ландыш — он.

— То ландыш...

— А вот, например, ромашка — она.

— Так то ромашка...

— А ты кто такой?

— Я-то? Да я, Шмель, иван-да-марья!

Осоед и Змеед

— Знаешь, Осоед, а ведь мы с тобой, брат, герои!

— Какие там, Змеед, герои — птицы как птицы.

— Ну не скажи! Все от змей да ос в кусты шарахаются, а мы с тобой уплетаем их за обе щеки и даже не вздрагиваем. Геройские мы, брат, с тобой едоки!

Необычайное приключение произошло пережить мне однажды ночью в глухом лесу! Вы только представьте: я видел жар-птицу! Вы, конечно, читали сказки о царевичах и птицах-жар? Вот такую птицу встретил и я. Да не в сказке и не во сне, а наяву — носом к носу. За хвост я, правда, её не схватил, но налюбовался птицею вдоволь. Да и было чем: светится, как фонарь, как падающая звезда!

Я человек правдивый, не-былиц и выдумок не терплю. Но лес тот до того оказался невероятным, что я и сейчас рот боюсь раскрыть: ещё не поверите мне и осмеёте. Да разве утерпишь, когда такое увидел?!

В лесу были не просто пеньки и колоды, а жар-пеньки и жар-колоды. Каждые пенёк и колода светились так, что подходи да книжку читай, как под уличным фонарём! Так и светятся, так и светятся!

От жар-птиц, от жар-колод и жар-пней в ночном лесу светло — хоть грибы собирай. Впрочем, там такие были грибы, что их и в темноте не пропустишь. Не просто грибы, а жар-грибы! Под каждым кустом как разноцветные лампочки светятся. И над каждым светящимся грибом пляшут светящиеся комарики. Представляете — жар-комары! Так и вьются, как искры над жарким костром. Осмотрелся вокруг — праздничная иллюминация!

Я в том жар-лесу был, на жар-пеньке сидел, жар-грибы собирал и на жар-колодцы и жар-птиц любовался.

Хотите верьте, хотите нет.

А вы как считаете: бывают ли СВЕТАЩИЕСЯ ПТИЦЫ? СВЕТАЩИЕСЯ ПНИ? СВЕТАЩИЕСЯ ГРИБЫ? СВЕТАЩИЕСЯ НАСЕКОМЫЕ? Подумайте и напишите.

ОТГАДКИ

Странные загадал Завирушкин прошлый раз загадки: вьют ли птицы гнёзда на АВТОМОБИЛЯХ, ПАРОВОЗАХ и ПАРОХОДАХ!

Вечно встречаются ему всяческие диковины. Мыслимое ли дело — гнездо на паровозе или на пароходе! Но вот порылись мы в книгах, людей знающих порасспросили и получилось, что Завирушкин прав! Да, случается: вьют птицы гнёзда свои и на автомобилях, и на паровозах, и на пароходах. Редко, но вьют.

Известен же-

гол, который свил своё гнездо в багажнике «москвича». А другой щегол свил гнездо под радиатором... трактора! Так и «пахал» поле вместе с трактористом.

Парочка ласточек однажды слепила гнездо на паровозе. И переезжала вместе с ним со станции на станцию. А мухоловки сделали гнездо и вывели птенцов на пароходе. Как настоящие моряки плавали от пристани к пристани.

Грачи однажды сложили гнездо на самой верхушке подъёмного крана. Находили птичьи гнёзда в консервных банках, в брошенных ведрах. А после войны нашли однажды птичье

гнездо в... ржавом стволе разбитой пушки, а другое — под брошенной каской.

Известны гнёзда в почтовых ящиках, на паромах, а парочка воробьёв однажды устроила свое гнездо в лохмотьях огородного чучела.

Не от хорошей жизни, конечно, вьют птицы гнёзда в таких необычных местах. Так получается только тогда, когда не хватает птицам удобных мест для гнездования. И тут вы, ребята, очень можете им помочь. Для этого нужно вывешивать больше скворечников, синичников и разных дуплянок.

Ну а если и вам попадалось гнёзда в таких необычных местах — сообщите нам: мы расскажем об этом другим ребятам. Присылайте свои записки, рисунки и фотографии.

Гостья

ВЫ ЛЮБИТЕ, когда к вам приезжают гости? Знаю, знаю, что ответите: смотря кто...

В то субботнее утро мы никаких гостей не ожидали. Должна была приехать мама. И нам следовало встретить её на автобусной остановке.

Томиться там под солнцем было не очень-то приятное занятие, и мы решили ждать автобус не отходя от дома. С крыльца, если встать на цыпочки, голубую спину автобуса было видно хорошо.

Генка вынес шахматы, и мы устроились на ступеньках. Вообще-то Генка редко брал меня в свою компанию. Очень уж ему нравилось быть старшим!.. Но тут — что поделаешь!.. Маму-то встречать нужно.

Мы так заигрались, что и не заметили, когда подошёл автобус. Оглянулись, только услышав мамин голос:

— Смотрите, кого я привезла!

В калитке, накручивая на пальцы шнурок спортивной сумки, стояла Алёнка. Всё такая же долговязая и такая же ехидная. Наши мамы на ткацкой фабрике в одной бригаде сколько лет. Вместе работают, вместе справляют праздники, в гости друг к дружке ходят. И с Алёнкой мы знакомы давным-давно. Только дружбы между нами никакой...

Поэтому Генка вроде её и не заметил, — подскочил к маме и потянул к себе туго набитую авоську, из которой торчали пучки редиски.

— Ладно, ладно, — засмеялась мама. — Запоздалая расторопность ни к чему. Лучше развлекайте гостью.

Генка посмотрел на меня, я — на Генку. Чего её развлекать? Это маленьких занимать нужно. А эта явилась — не запылилась и извольте радоваться — развлекайте её.

Алёнка уселась в холодке, достала из сумки вязальные спицы и клубок шерсти. Генка старше Алёнки, а я — младше. Получается, что Алёнка как раз посередке. Плохо получается. Им обоим со мной почему-то неинтересно.

— Что же вы сиднем сидите? — высунулась из окна мама. — Хоть сад-то наш Алёнке покажите!

Генка сгрёб фигуры, перевернул доску и убрал шахматы.

— Это нечестно! — запротестовал я. — У меня пешка проходная!

Но Генка уже поднялся:

— Слышал, что мама сказала? Будем проводить экскурсию.

Мы подошли к Алёнке.

— Ну что, осмотрим наши уголья? — процедил Генка.

— В гостях — не хозяйин, — отозвалась Алёнка, пряча в сумку своё вязанье.

В общем-то хвастаться в нашем огороде было нечем. Перья лука — чахлые, все вниз клонятся. Огуречная рассада — блёкая и уже с желтизной. У свёклы ботва продырявлена гусеницами. Генку, однако, это не смущало.

— Вот морковочка, — бойко начал он. — Какая вымахала, а?

— Сантиметров на пять, пожалуй, — серьёзно ответила Алёнка.

Генка отрезал:

— Между прочим, тут ценны не вершки, а корешки.

— Да, конечно, — согласилась Алёнка. — Высокая ботва — достоинство редиски. — Она кивнула на соседнюю грядку.

— А что? — насторожился мой братец. — Редиска у нас классная! Только с ней чай пить. Вприкуску — вместо сахара.

Алёнка прищурилась:

— Значит, на рынке мы покупали редиску для сравнения?

Генка вроде поперхнулся, но

смутить его было не так-то просто. Чтобы как-то сменить тему разговора, он тут же налетел на меня:

— А ты что тут болтаешься? Клумбы небось не поливал? — Он тут же повернулся к Алёнке: — Знаешь, какие у нас цветы? Ого! Приезжай перед школой — Только тебе во какой веник наломает! Не унесёшь!..

— Мальчишки! — укоризненно покачала головой Алёнка. — Да разве охапками цветы дарят?

— Наверное, лучше три веточки в целлофане, да? — подковырнул Генка.

— Конечно. Пышный букет вообще признак дурного вкуса! В Японии в школах даже специально изучают древнее искусство «икэбанá».

— Чего? Чего? — удивился я.

— Икэбанá, — объяснила Алёнка, — это умение подбирать букет из двух-трёх веточек зелени и нескольких цветков.

Ссылка на Японию прозвучала авторитетно. Генка замаялся и тотчас переключился на меня:

— Заслушался? Размечтался? А забор чинить дядя будет?

Дался ему этот забор. Ну, собирались мы его чинить сегодня. Так ведь и вчера собирались. И две недели назад тоже. Но спорить с Генкой было бесполезно.

Я принёс рейки, молоток, гвозди, бросил всё возле забора.

— Забиваю гвоздь в три удара, — выпалил Генка, подбрасывая молоток перед Алёнкой. — Не веришь?

Алёнка улыбнулась.

Генка взмахнул молотком.

Бах!.. Бах!.. Бах!..

Последний удар он нанёс слегка: шляпка уже вдавилась в дерево. Генка взял кусачки, перегнулся через забор и отхватил жало гвоздя, вылезшее наружу.

Бах!.. Бах!.. Бах!.. — залатана одна дыра. Бах-бах-бах!.. — не стало другой лазейки. Бах-бах-бах!..

— Порядок! — Генка картинно отбросил со лба свою длинную чёлку. — Хочешь постучать? — протянул он молоток Алёнке. — Можешь отличиться: возле калитки рейки еле держатся.

— Как эти? — улыбнулась Алёнка.

Она дёрнула только что приколоченную рейку. Раздался скрип, и в заборе образовалась брешь.

— Ты что?! Ты что?! — завопил Генка.

— Халтура! — пожала плечами Алёнка, отодрала ещё несколько реек и принялась выдёргивать кусачками Генкины гвозди. — Толя, подлинней гвоздей нет? — повернулась она ко мне.

Я достал гвозди подлиннее.

Алёнка прикинула их на ладони, высыпала в карман, один воткнула в отверстие на рейке и стукнула молотком. Рейка снова встала на своё место.

— Кусачки! — протянула она руку.

Генка подал кусачки, наблюдая, что же будет.

Алёнка не стала «обкусывать» вылезшее наружу острие. Кусачки ей понадобились совсем для другого. Подставляя их ручку вплотную к гвоздю, Алёнка загибала острие крючком и вгоняла его обратно в штакетник.

Генка дёрнул одну из реек. Она не шелохнулась. Генка ухватился обеими руками, дёрнул опять. Рейка не поддавалась. Генка упёрся ногой в забор — ташил всем корпусом. Забор стонал. Но рейка была словно припаяна.

И тогда Генка стукнул кулаком по рейке, как бы возвращая на место поддавшийся гвоздь. Но, честное слово, в этом не было никакой нужды.

АЛЁНКА собиралась обратно в город.

Мама велела мне собрать для нашей гостьи хороший букет.

Я пошёл к клумбе. Раньше я бы и не задумался: нарвал самых ярких — и порядок. А теперь... После рассказа Алёнки о таинственном икэбанá...

«Пожалуй, флоксы подойдут лучше всего», — подумал я и срезал сиреневый, белый и розовый. Но стоило сложить их вместе, как они сразу же мне разонравились.

Я добавил лилий. Но букет опять не смотрелся.

А если выкинуть пару флоксов? Нет... Не букет, а чепуха какая-то.

На клумбе полыхал единственный гладиолус. Самый пер-

вый! Мне было жаль такого красавца, но что поделаешь?..

Однако и теперь в букете чего-то не хватало. Я наклонился к гвоздикам. Потом под нож пошли самые крупные анемоны. И тут я с ужасом ощутил, что жесткие стебли выскальзывают из пальцев — букет невозможно удержать одной рукой. Генка такие букеты именует вениками.

Совсем расстроившись, я сел на землю, рассыпал срезанные цветы и начал их складывать, перекидывать... По-прежнему ничего путного не получалось.

Наконец, моё терпение лопнуло. Собрав цветы в охапку, я пошёл к дому.

— На... Это тебе... — протянул я Алёнке всю охапку. О своих напрасных попытках

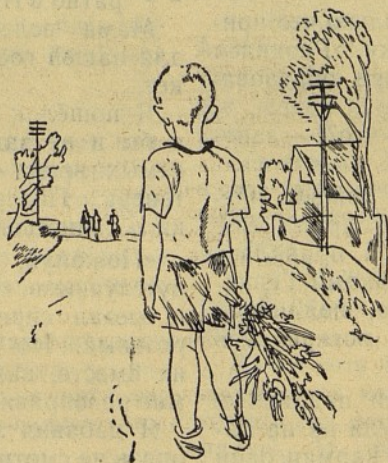
сделать красивым букет я решил не распространяться. Зачем? Но Алёнка это поняла и так.

— Икэбанá учатся многие годы, — сказала она. — Пони-маешь, букет должен жить... Каждый цветок должен жить. «Икэ» — это значит «живущий», а «банá» — «цветок». — Она осторожно вытащила из вороха лилии, несколько стрелок зелени и, конечно, гладиолус.

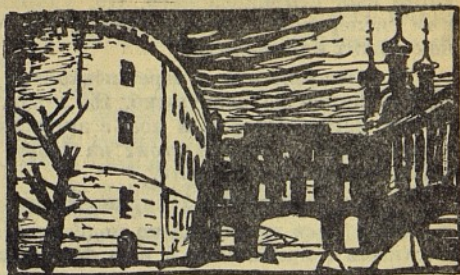
Остальные цветы так и остались у меня в руках.

К автобусу её провожали мама и Генка. А я смотрел Алёнке вслед и думал, что пословица: «В гостях — не хозяин» — устарела. Конечно, давно уже устарела...

Рис. Ю. Шабанова

САМЫЙ ДОРОГОЙ ПУШКИНСКИЙ ТОМ

Город Пушкин освободили 24 января 1944 года в половине первого дня. Была оттепель, и, хлюпая по размокшему снегу, я часом позже уже приближался к громаде Екатерининского дворца. Ещё в осаждённом Ленинграде мы знали, что фашисты, начисто ограбив дворец, украв янтарные плитки, которыми была отделана знаменитая Янтарная комната, похитив статуи, содрав со стен дорогую материю, начали день за днём разрушать огромное здание.

Как-то наши разведчики захватили под Пушкином «языка». Когда допрос гитлеровского ефрейтора был закончен, я попросил у начальника разведки разрешения задать немцу несколько вопросов.

— Поговори, поговори, только не задерживайся, нам нужно переправить «фрица» в штаб дивизии, — согласился майор.

Я спросил пленного о дворце.

— Паласт (дворец) капут, — ответил ефрейтор.

— А лицей?

— Не могу сказать, не знаю, что за лицей...

Я задумался: ну как объяснить мне этому фашисту, какой лицей меня интересует? В Пушкине только один лицей, тот самый, где прошли детские годы великого поэта, где он учился и прожил семь незабываемых лет. Как мне растолковать всё это обалделому ефрейтору! Ведь если я назову Пушкина, он спутает имя поэта с названием города. Тогда я решил примерно нарисовать здание лицея... На листе бумаги я набросал контуры дворца, провёл от него галерею с трёхарочным проходом и тут же воспроизвёл четырёхэтажный дом, в котором некогда и находился лицей.

Представьте, немец сразу же узнал это здание:

— Ганц, ганц (целое), — закивал пленный, — тут отдыхают офицеры... Все, кто приезжает в город, хотя бы обязательно поселиться именно в этом доме...

— Разве других домов в городе не осталось?

— Есть ещё дома, но хотят остановиться только в этом...

— Почему же?

— Пушкин! — ответил ефрейтор. — Он тут когда-то жил, и все наши офицеры и солдаты знают, что для русских Пушкин очень великий человек и на этот дом никогда не упадёт ни один русский снаряд или бомба. Вот почему все хотят попасть только в этот дом. Господа офицеры спят тут даже на полу, а в другое место не хотят уходить.

...Я иду вдоль разрушенного дворца и вспоминаю свой разговор с пленным фашистом. Для наших артиллеристов этот квадрат на карте был неприкасаемым. Но, удирая из Пушкина, что сделали с ним гитлеровцы?! Может быть, и этот столь дорогой нашим сердцам дом лежит в развалинах?

Я убыстряю шаг и через несколько минут облегчённо вздыхаю, — здание лицея не разрушено. Не знаю, что творится внутри, но знакомый четырёхэтажный дом с зияющими чёрными глазищами окон с выбитыми стёклами стоит на своём месте. Строгий окрик неожиданно останавливает меня.

— Не торопитесь, товарищ майор, проход воспрещён!

Почти вся площадка на подступах к лицею утыкана небольшими шестками с прибитыми к ним фанерками, на которых густой чёрной краской начертаны грозные, предостерегающие слова: «Мины».

Так вот в чём дело! Разрушить этот дом для фашистов было проще простого. Но коварный враг задумал другое. Фашисты хорошо знали, что означает для каждого советского человека дом, где учился Пушкин. Они были уверены, что советские солдаты устремятся в его помещения. Вот тогда и взлетит на воздух это здание вместе со многими защитниками Ленинграда.

Я подошёл к командиру группы сапёров и спросил, много ли мин заложили фашисты.

— Меньше чем за сутки не управиться... Тут сняли целую паутину маленьких противопехотных... Наступишь — сразу полстопы оторвёт... Теперь работаем в самом доме.

Я объяснил сержанту Ильину, что хотел бы рассказать об этом доме на страницах фронтовой газеты, в которой тогда работал.

— Понимаю, товарищ майор, — потерпите до завтра. Сегодня никак не управиться. К тому же подозрение есть, что фрицы кроме мин тут в укромном месте и кое-что похлеще спрятали.

Как ни хотелось именно в день освобождения города попасть в лицей и написать об этом в газете, скрепя сердце пришлось отказаться от этой мысли.

— Завтра обязательно приеду, товарищ сержант, только, может быть, вас-то я здесь и не найду... А мне бы хотелось узнать с подробностями, что проделали сапёры, обезвреживавшие мины в лицее...

— Застанете обязательно... Если не здесь, то вон в том доме будем работать. Спросите сержанта Ильина, мигом найдут.

Мы распрощались, и я было уже направился к дороге «проголосовать» и взобраться на какую-нибудь попутную машину, как вдруг слышу — зовёт меня подбегающий сержант:

— Извините, товарищ майор, вопрос у ребят имеется. Лицей, дом вот этот, такой же и при Пушкине был?

— Как вам сказать... Снаружи, если и изменился, то немного... А почему это вас так интересует?

— Да тут один наш минёр говорит, что тот дом, в котором когда-то была школа, где учился Пушкин, сгорел. Здесь построили совсем другое здание. Спор между нами получился.

— Ваш минёр ошибается. Вот завтра я привезу вам книгу, в которой помещён рисунок этого лицея, сделанный самим Пушкиным.

— Привезёте? Вот здорово! Мы тогда Черепкова, минёра этого, как говорится, в галашу посадим...

На том и расстались.

Поздно вечером я сдал корреспонденцию в редакцию и вспомнил об обещании, данном сержанту Ильину. Обещать-то пообещал, а ведь надо книгу раздобыть... Редакционная библиотека уже была закрыта. Выезжать в Пушкин надо было рано. Значит, надо идти к себе домой и там в темноте разыскать обещанную книгу. От усталости ноги одеревенели, но пришлось идти.

Иду и вспоминаю по дороге, в каком именно издании помещён рисунок, выполненный Пушкиным? Вспомнил: в одном из самых первых советских изданий Пушкина. Вышло оно в свет в 1919 году. Тяжёлый это был год для советского народа. Голод, разруха, кольцо фронтов гражданской войны. Газеты выходили чуть ли не на обёрточной бумаге. Но для стихотворений Пушкина нашли по тем временам самую лучшую. Составлял и редактировал этот том известный наш знаток Пушкина поэт Валерий Брюсов.

Самое замечательное в этом томе было то, что Валерий Брюсов добился, чтобы вклеили между страниц книги иллюстрации. На одной из вклеек и был изображён лицей, нарисованный самим Пушкиным.

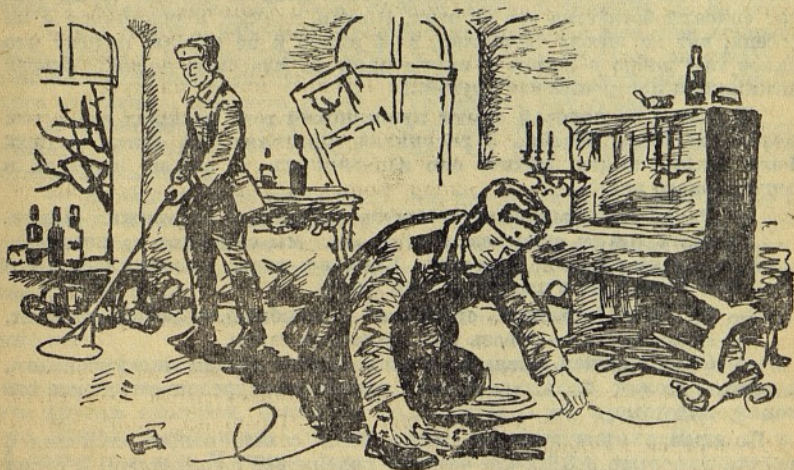
Кое-как добрался до дому. Вхожу в квартиру. От разорвавшегося невдалеке снаряда воздушной волной высадил стёкла. На полу в комнате снег. Окоченелыми руками открываю шкаф. Вынимаю коробок спичек и начинаю чиркать, думая о том, хватит ли этого коробка. Никогда не думал, что книги, словно живые существа, тоже могут мёрзнуть. Вытаскиваю том за томом и будто беру в руки плитки льда...

Счастье улыбнулось мне. Я нашёл книгу. Завернул в газету, сунул в полевую сумку. Туда же положил небольшую брошюру, в которой была репродукция известной картины Репина, изображавшая юного Пушкина на публичном экзамене в январе 1815 года.

Чуть свет разбудил меня наш военный шофёр со смешной мальчишеской фамилией Галчонок.

Часам к десяти мы уже были около лица.

— Здравия желаю, товарищ майор, — встречает меня сержант Ильин, — вот теперь могу быть вашим экскурсоводом... Будет вам о чём рассказать...

Признаюсь, с трепетом душевным переступил я порог лицея. До войны его сохраняли просто как исторический дом. Музея тогда еще здесь не было... Но одно сознание, что под этой крышей семь лет прожил лицеист Пушкин, что здесь он написал свои первые стихи, что тут во всём своём возрастающем величии проявился гений знаменитейшего нашего поэта, заставляло с каким-то особым волнующим чувством относиться к этим бесконечно дорогим стенам.

— Мин тут обезвредили не так уж много, — рассказывает мне мой «экскурсовод». — Но до чего же додумались проклятые фрицы! Вот смотрите, товарищ майор, пианино... Пианино как пианино...

В большой, ужасно захлавленной комнате, с массой всевозможных пустых бутылок из-под вина, стоявших на подоконниках, на полу, на столах, с горой консервных банок по углам, в простенке между двух окон стояло старенькое шредеровское пианино. Видимо, пьяная орда притащила его сюда из какого-нибудь дома по соседству, чтобы орать свои фашистские песни...

— Поглядите-ка на правую педаль, видите проволочку? — продолжал Ильин. — Вот дьяволы, думали — усядется кто-нибудь поиграть, нажмёт на педаль... Проволочка вела к большому заряду... Разрыв был бы очень сильный, дом обвалился бы... Но у нас сапёры-минёры народ бдительный...

Говорил он очень просто, видимо не представляя себе, какое великое дело сотворили его сапёры-минёры, люди одной из отважнейших и опаснейших профессий, спасая это историческое здание для миллионов советских людей...

— Товарищ майор, а про наш спор с Черепковым не забыли? Книгу обещали привезти...

— Привёз, привёз, товарищ Ильин. А где же ваш спорщик? Зовите-ка его сюда.

Через несколько минут в дверях комнаты появился высокий парень, с бравыми пушистыми усами на молодом лице. Он козырнул как положено и вопросительно посмотрел на сержанта.

— Расскажи-ка, Черепков, товарищу майору, что ты знаешь про этот дом.

— Расписаться под тем, что расскажу, я, конечно, не могу, но слышать слышал, что давным-давно горел дворец, что две тыщи солдат спасали богатства его от огня. Пожар, значит, перекинулся и на соседа, вот на школу Пушкина, а её никто и не спасал, потому что какое там добро в школе — парты одни да классные доски... Сгорел домишко, а построили вот другой...

Я вынул из полевой сумки пушкинский том, раскрыл его в том месте, где была вклейка с рисунками Пушкина. На одном из них было здание лицея, каким оно запомнилось и вошло навсегда в сердце юного поэта...

— Давайте-ка выйдем на улицу и сравним, — предложил Ильин.

Комната мигом опустела. С площадки мы смотрели на исторический дом и на рисунок Пушкина. Конечно, кое-что изменилось в его внешнем облике, но в целом это был лицей.

— Ну, что, Черепков, сдашься? — улыбаясь спросил сержант.

— Ваша взяла, — сквозь усы засмеялся сапёр.

— Спор окончен, товарищ майор. Я был вашим экскурсоводом, а теперь, может быть, вы будете нашим экскурсоводом и кое-что покажете в доме.

По правде признаться, у меня были самые общие сведения о здании лицея, но всё же кое-чем мог поделиться с солдатами. Я стоял

с раскрытым пушкинским томом в руке, и неожиданно меня осенила мысль попросить сержанта сделать подпись рядом с рисунком Пушкина.

— А о чём же писать?

— Напишите просто: когда разминировали этот дом.

Достав из кармана шинели огрызок чернильного карандаша, сержант Ильин смял в руках комочек снега и потёр им верх вклейки. На влажной бумаге, стараясь чётко выводить каждую букву, он написал: «Разминировали 25-го января 1944 г. сержант Д. Ильин».

С той минуты заветный пушкинский том стал мне ещё дороже. Ведь рядом с изображением лица красовалась простая, но вместе с тем необыкновенно волнующая надпись, автограф командира сапёрного отделения, спасшего лицей от грозившей ему гибели.

Я начал рассказывать солдатам о здании. Перелистав несколько страниц, я показал им стихотворение «К другу стихотворцу». Им открывалась книга.

— Пушкину было пятнадцать лет, когда эти стихи напечатали в журнале «Вестник Европы» в 1814 году. Но не он послал его в редакцию. Это тайком от юного поэта сделали лицейские товарищи. И подпись под стихами была какая-то странная, загадочная: «Александр Н. к. ш. п.»

Солдаты заинтересовались, что бы это могло означать. Я объяснил им:

— Ясное дело, что, если они послали стихи тайком от Пушкина, они не имели права поставить подпись автора. Но всё же сделали это другим способом. Смотрите: Александр — это правильно. А вот эти буквы, если читать справа налево, то получается: П. ш. к. н. А ведь это и есть Пушкин, только без гласных букв, одни согласные,

Затем я показал им на галерею, соединявшую здание лицея с дворцом.

— В галерее размещалась библиотека. С самых юных лет Пушкин пристрастился к чтению, и потому галерея эта особенно часто посещалась им. Любовь к книгам сохранил он до самого последнего часа своей жизни и, умирая, глядя на книжные полки, произнёс: «Прощайте, друзья!»

Мы поднялись на третий этаж, где, по воспоминаниям современников, находился актёрский зал лицея. Я достал из сумки брошюру с репродукцией картины Репина... Она переходила из рук в руки, а я рассказывал:

— На картине, в центре, вы видите юного Пушкина. Один из учителей Пушкина сказал ему, что на экзамены придет Державин. В то время это был самый крупный поэт России. Учитель и уговорил своего молодого ученика написать стихи. Пушкин приступил к сочинению. Работал он долго, придирчиво, очень требовательно к каждому слову. Свои стихи он назвал «Воспоминания в Царском Селе», так тогда назывался этот городок.

Настал день экзаменов. Державин действительно приехал. Был он уже очень стар. Надет был на нём парадный мундир с орденами, а вот на больных ногах были простые, из плисовой ткани, сапоги. Старик устал и дремал в своём кресле. Но вот настала очередь Пушкина.

Звонкий голос заставил очнуться старого поэта. Он поднялся со своего места, приложил ладонь к уху, стараясь лучше слышать стихи, которые читал Пушкин.

Тут вот напечатаны воспоминания самого Пушкина.

«Я прочёл мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося в упоительном восторге... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»

Через несколько месяцев это стихотворение напечатали в одном из петербургских журналов. Вот тогда впервые все читавшие увидели подлинное имя автора: «Александр Пушкин».

Сапёры, прослушав рассказ, переводили глаза с многокрасочной репродукции на помещение, в котором мы находились. Ничто, ничто не напоминало бывшего... Можно было только представить, что под этим потолком звучал голос юного поэта, что где-то здесь сидел Державин... Теперь же здесь были лишь следы буйствовавшего, злобного врага... Весь лицей был подобен конюшне... Грязь, обломки, груды битого стекла, запачканные стены, позорнейшие следы пиршества варваров...

Все молчали...

— Почти сто тридцать лет назад Пушкин читал здесь свои знаменитые стихи:

*Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны,
Восстал и стар и млад, летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.
Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря...*

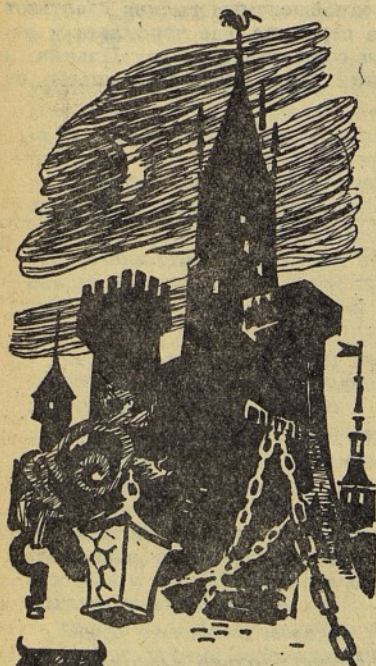
Прошло четверть века. Город поэта встал из руин ещё более прекрасным. Пополнились мои книжные полки. Много здесь прекрасных изданий, подлинных шедевров печатного мастерства. Нарядная одежда, меловая бумага, великолепные цветные иллюстрации, тонкие гравюры!.. Но по-прежнему самым дорогим остаётся для меня заветный том стихотворений Пушкина, оттиснутый на машинах обледелой печати, вышедший в свет в незабываемом тысяча девятьсот девятнадцатом... Я раскрываю его на странице, где чернильным карандашом запечатлён автограф сапёра-сержанта Дмитрия Ильина, и передо мной встаёт хмурым январский день, когда был спасён от разрушения пушкинский лицей.

...Вечер приближается опять.
Мама повторяет: «Надо спать!»,
Сердится — а я твержу одно:
— Все на свете выспались
давно!

Владимир СКВОРЦОВ,

ученик 6-6 класса, 518-й школы

Тайна старого замка

Рисунки В. Адаева

НЕТ, как хотите, а в поход я больше не пойду. Учёный уже. Тем более с Алёшкой!..

Всё началось с того, что наш класс наградили шестидневным походом. Раз наградили — значит, надо идти.

Сначала, конечно, ехать. Целый день в поезде тряслись. Устали!.. Наконец вылезли на платформе какого-то городка. Ночь надвигается.

Спать нас устроили в одной из школ. Поужинали мы из своих запасов — и на боковую. Выспаться надо было хорошо: обратно-то, в Ленинград, предстояло не на поезде ехать — пешочком!.. Да по пути ещё разные достопримечательности осматривать.

Уснул я сразу. Успел даже какой-то сон начать смотреть. Вдруг:

— Колька! Вставай! — сквозь сон слышу.

Чувствую: кто-то одеяло с меня тянет. И шепчет в самое ухо:

— Вставай, Колька!..

Проснулся. Пригляделся к темноте, вижу — Алёшка стоит.

— Ну и дрыхнешь же ты! — шипит. — Давай одевайся побыстрее.

Я ничего не понял, но с кровати встал. Вы, конечно, можете себе представить, как человек, который ужасно хочет спать, в темноте напяливает на себя рубашку и шорты. Я, наверное, целых полчаса эту рубашку натягивал. Никак не мог в рукав попасть.

Алёшка тем временем остальные мои вещи под одеяло запикивал: чтобы казалось вроде сплю я, накрывшись с головой.

Уже только на улице я вспомнил, что мы с Алёшкой ещё в Ленинграде договаривались побродить по ночному городу. Ну он и поднял меня в первую же ночь.

— Я узнал, — говорит, — тут старинный замок есть. Айда?

Конечно, уж если идти, то в замок.

Мы немножечко покуролесили по городу, увидели на фоне неба какие-то крепостные стены, башни и быстро пошагали туда.

Замок был старинный! Это даже в темноте видно. Окружён он был

не одной, а целыми тремя стенами. Первая толщиной метров в пять.

Алёшка узнал даже, что владельцы замка часто менялись, что он три раза горел, и у него есть даже несколько секретных подземных ходов. («Вот найти бы!» — подумал я.) В настоящее время замок был закрыт. Около него велись раскопки.

Вблизи огромные стены казались ещё более высокими. Я как подумал, что нам надо туда непременно забираться, — даже жутко стало. Но Алёшка не унывал.

— Через бойницу пролезем, — шептал он.

Но бойницы тоже были высоковато.

Мы обошли замок несколько раз. Хотели найти хоть какую-нибудь лазейку. Безуспешно!.. Замок был неприступен.

Уже совсем отчаявшись, мы вдруг наткнулись на деревянную лесенку, прислонённую к крыше домика археологов. Алёшка страшно обрадовался!

По лестнице мы забрались на крышу дома. До бойницы оттуда оставалось всего каких-нибудь полметра. И тут мне показалось, что Алёшка почему-то растерялся.

— Знаешь что, — сказал он, — я уступаю тебе право вступить в замок первым. Я пока тут покараулю. А то ещё застукает нас какой-нибудь лунтик...

Честно говоря, я был и сам не прочь уступить это почётное право

Алёшке, но раз уж он догадался первым... Пришлось лезть.

Я просунул ногу внутрь и сел на краю этой проклятой дыры. «И почему её до сих пор не забили?» — думал я.

— Ты что, трусишь, что ли? — доносится сзади голос Алёшки.

Пришлось двигаться дальше. Твёрдой опоры под ногами всё ещё не было. Я уже висел на руках, а под ногами не было ничего. Да темнотища ещё! Ни зги не видно. Даже самой стены.

Я попробовал подтянуться обратно, но руки вдруг начали скользить. По телу побежала какая-то неприятная дрожь. Пальцы начали разжиматься, разжиматься...

...Глаза я открыл не сразу. Когда уже вдоволь насиделся на полу в какой-то из комнат замка. Ужасно ныла левая рука. Надо было обдумать создавшееся положение...

Увы! — думать долго не пришлось. Неожиданно сверху что-то тяжелое с пороссячим визгом обрушилось на меня.

Это было уже слишком!

Я вскочил, побежал куда-то в сторону, трахнулся с разбегу о стену, снова куда-то побежал и, трахнувшись ещё один раз, замер на месте.

Вокруг опять всё было тихо.

Неожиданная догадка словно кольнула меня. Я решил спросить:

— Алёшка, это ты?

— К... к... кто же ещё?.. Конечно я. А ты чего тут носишься? Делать тебе больше нечего?

Я страшно обрадовался, услышав Алёшкин голос.

— Свечки у тебя нет?

— Есть, — прогудел Алёшка, — сейчас найду.

Вспыхнула спичка. Потом загорелся фитилёк свечи. Из темноты выплыли мрачные своды замка. Не сговариваясь, мы оба посмотрели вверх: где же эта дыра, через которую мы по собственной воле попали в этот аттракцион страха?

Дыра была высоко. Далёкая-далёкая звёздочка заглядывала через неё в замок.

И-да... Вылезти этим путём назад было невозможно.

— Надо искать другой выход, — предложил я.

— Через недельку-другую найдём, — мрачно пробурчал Алёшка. Лицо его, освещённое свечой снизу, было какого-то зеленоватого цвета. Казалось, оно само излучает свет.

— Знаешь что, — заговорило это зелёное лицо, — давай я встану тебе на плечи. Наверное, дотянемся. Я вылезу, сбегу за нашими и тебя вытащим.

— Не стоит, — покачал я головой. — По двум причинам. Во-первых, представь, как всполошатся наши, когда узнают, что мы не ночевали в школе. Во-вторых, могу предложить тебе поменяться местами...

— Ну, насчёт первого, они всё равно всполошатся, — пробурчал Алёшка. — Увидят утром, что нас нет, — ещё хуже всполошатся. Ладно, пойдём поищем какой-нибудь выход.

Мы двинулись к единственному проходу, черневшему в углу. В лицо пахнуло сыростью. С потолка сорвалась какая-то капля и звонко шлёпнула меня по макушке.

— Как в пещере, — отозвался Алёшка. — Только сталактитов и не хватает.

Проход оказался длинным коридором, конца которому не было видно. К тому же он был таким узким, что стены словно сговорились не пропускать нас и давили с боков.

Вдруг Алёшка остановился, ткнул рукой куда-то в сторону и зашептал:

— Колька, что это? Там — призраки!..

Я посмотрел в сторону, куда он указывал, и с ужасом заметил какую-то светящуюся точку. Первым моим желанием было броситься бежать, но вторым, каким-то совершенно безрассудным, — подойти и посмотреть, что же это всё-таки такое? Рука сама нащупала на полу какой-то камень, и шаг за шагом я стал приближаться к этой точке. Я даже осмелился протянуть руку и схватить её.

Схватил и... расхохотался. «Призрак» оказался обыкновенной гнилушкой.

Мы пошли дальше. Теперь нас уже пробирала дрожь не от страха, а от холода. Стен нельзя было касаться: сыпалась мокрая штукатурка. Иногда нам приходилось останавливаться,

отряхиваться. Вдобавок ко всему свеча наша догорела. Нам пришлось потушить её, оставив на всякий случай маленький огарочек.

Вскоре где-то впереди забрезжил просвет. Не помня себя от радости, мы бросились вперёд, и тут же я почувствовал, что куда-то проваливаюсь...

«Приземлился» я довольно мягко. На кучу какой-то гнили.

И сразу подумал о том, что хорошо сделал, забрав у Алёшки спички и огарок свечи.

Когда я снова поджёг фитиль, — то, что предстало перед моими глазами, поразило меня необычайно...

Я сидел в какой-то огромной глиняной чаше, в самом центре просторной комнаты с низкими потолками. Края чаши покрывала тончайшая резьба. Рядом с нею стояли вдоль стен ещё несколько каких-то закупоренных сосудов. Но особенно привлекли моё внимание лежащие около чаши два меча и кинжал. Мечи были в ножнах, украшенных золотыми полосками. Потом уже я разглядел и наконечники от стрел, копий, старинные монеты, подносы, висящие на стене, видимо, когда-то они служили щитами.

И только в последнюю очередь я заметил Алёшку. Он забился в угол и не мог от удивления произнести ни слова.

Я вылез из чаши, поднял с пола кинжал. К моему удивлению, на нём почти не было ржавчины. На клинке была какая-то надпись, но прочитать её оказалось невозможным: чужие, полустёршиеся буквы.

Я сунул кинжал за пазуху и только тогда сказал Алёшке:

— Ты знаешь, нам, наверное, здорово повезло. По всей вероятности, до нас никто не знал об этой комнате.

— А то как же! — откликнулся Алёшка. — Провалились в какую-то гробницу, набитую амфорами. — Глаза его так и бегали от одного предмета к другому.

— Ладно, — прервал я его разглядывания, — давай назад теперь.

К счастью, низкие потолки позволили нам легко вылезти через то же отверстие, в которое мы провалились. Там, уже стараясь быть предельно осторожными, мы добрались до того просвета, который увидели до «путешествия в гробницу».

Алёшка первым высунул голову наружу.

— Нет, уж лучше ты первым, — сказал он.

Я посмотрел вниз. Мы находились на высоте примерно четырёх метров. Но что было делать? Надо же было выбираться из этого замка.

Я снова повис на руках, разжал пальцы и довольно благополучно приземлился.

Алёшка последовал за мной.

В школу мы успели до подъёма. Даже вздремнули часок. После завтрака Алёшка отозвал меня в сторону.

— Айда к археологам! Расскажем им о гробнице.

Случай попасть к археологам представился быстро. Еленой Степановичей и советом отряда было решено остаться в городке ещё на один день, чтобы осмотреть его. И, конечно, все захотели пойти к замку!

Дойдя до него, мы с Алёшкой тут же потихоньку «откололись» от наших. Алёшка просто ликовал, изображая, какую гримасу скорчит начальник этих археологов, узнав, что мы у них под самым носом нашли целый клад! Не поверит? А кинжал с таинственной надписью на что? Вот оно — доказательство!

Во дворе замка я сразу же спросил у какого-то дяденьки:

— Где здесь начальник археологической экспедиции?

И нас, сразу поняв, что мы не по пустякам, а по важному делу, отвели в тот самый домик, с крыши которого мы начинали своё ночное путешествие.

Большая комната была освещена электрической лампочкой, несмотря на то что в окна лился дневной свет. За столом писал что-то высокий пожилой мужчина.

— Мы к вам по важному делу, — выпалил Алёшка.

Археолог поднял голову от бумаг.

— Проходите, садитесь, — пригласил он.

Мы сели. Но Алёшка тут же снова вскочил и торжественно, не торопясь, начал рассказывать обо всём, что с нами было минувшей ночью. В подтверждение его слов я положил на стол кинжал.

Археолог слушал сначала внимательно. Потом начал улыбаться. И наконец, откинувшись на спинку кресла, расхохотался.

Алёшка смутился и умолк.

Археолог перестал смеяться и совершенно серьёзно сказал:

— Вы молодцы, ребята! Приключение у вас, конечно, весёлое. Но и не без пользы для дела. За находку, — он взял кинжал, — спасибо. А в следующую ночь посоветую вам спать спокойно.

Нетрудно понять, что мы рты разинули от возмущения. Кинжал-то всё-таки наша находка! Наш кинжал! А он его — к себе в стол.

Вышли мы, даже не сказав «до свидания».

Так бы, наверное, и возмущались, не знаю, что придумали бы, но тут до меня донёсся голос археолога. Он кому-то кричал в окно:

— Слышь, Петрович! Плохо твои сторожа работают. Сегодня ночью ребята к нам на склад забрались...

Мы с Алёшкой так и остоленели...

Вахит МАНАСЫПОВ

Что ответило эхо

— Э-ге-гей! — крикнул Вафа, рупором приставив пальцы ко рту.

— Э-ге-гей! — ответило Эхо, невидимо сидящее в лесу.

— Меня зовут Вафа!

— В... а... ф... а! — повторило Эхо

— Пусть всегда будет лес!

— ... л... е... с!

— Пусть всегда буду я!..

— ...б...у...д...у...я!..

— Я чемпион класса по шахматам! — крикнул Вафа.

Эхо почему-то не откликнулось.

— Я вчера поймал двухпудового сома!..

Опять промолчало Эхо.

— Я — Яшин! Я беру мёртвые мячи!..

Ничего не сказала Эхо.

— Я плаваю, как акула! Прыгаю, как дельфин!..

Ничего не сказала Эхо.

— Э, ты! — рассердился Вафа. — Оглохло, что ли? Или уши заткнуло листьями?

Вафа замолк, ожидая ответа.

И Эхо ответило:

— Хва...а...а...сту...у...ни...иш...ка...а!

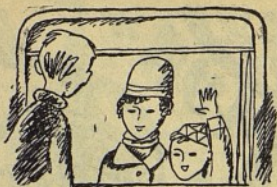

Как-то утром, спозаранку,
попросив у мамы банку,
мы отправились с Мариной
в лес далёкий — за малиной.
Но куда-то по дороге
торопился редкий жук,
лакированный, двурогий
очень важный для наук.
Тут, однако, стрекоза
нам попалась на глаза.
И под банкою жука
мы оставили пока.
Трепетала стрекоза,
не садилась, егоза,
то направо,

то налево
за собой бежать велела.

Мы ловили стрекозу,
а наткнулись на козу.
От рогатой стрекача
мы задали полем,
где кузнечик, стрекоза,
с тишиною спорил.
И жужжаньем, точно нитью,
нас опутала пчела, —
мол, пожалуйста, взгляните! —
нас к ромашкам привела.
Собирали мы ромашки,
а к ромашкам васильки,
так, что вымокли рубашки, —
только это — пустяки!
Был уже, наверно, полдень,
и подумалось тогда:
кто бы это нам напомнил,
направлялись мы — куда?

В поезде

Мы в комнате тихой вагонной,
где жизнь протекает своя,
а гомон и говор перронный,
и вся суета, толчея,
и гулкое эхо вокзала —
ушли за глухое стекло.
И всё, что в окошке стояло,
качнулось и потекло.
Бегут, отставая, родные.
Летят — не догонят! — огни.
И вот — мы как будто иные,
уже остаёмся одни.
И то, что до этого было,
теперь навсегда позади.
Но всё-таки слишком уныло
в ночное окно не гляди.
Помешивай чай, успокоясь.
Угадывай, что там вдали...
Наверно, придумали поезд,
чтоб мы поразмыслить могли.
Молчат незнакомые люди,
спокойно заводят часы...
Что было

и что ещё будет
как будто легли на весы.

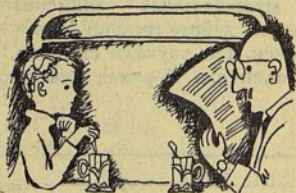
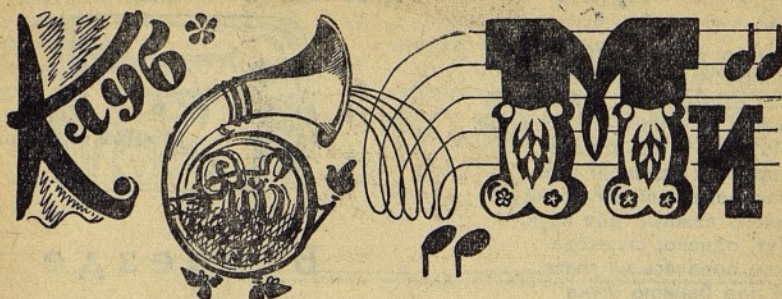

Рис. А. Курушина

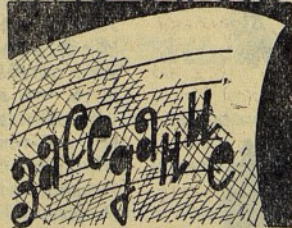
ШЕСТОЕ

— Как мы договорились на прошлом заседании, — провозгласил Орган, — я предоставлю слово вам, уважаемая Русская Скрипка.

— Благодарю вас. И надеюсь, что мой рассказ послужит ответом коллеге Итальянской Скрипке.

— Да, — откликнулась Итальянская Скрипка, — я хотела бы знать, почему не дошли до нас имена талантливых русских исполнителей. И вообще, были ли они?

— Что ж, — задумчиво ответила Русская Скрипка, — в списках мировых музыкальных знаменитостей прошлого действительно мало русских имён. Но звучали скрипки, альты, виолончели в руках русских му-

зыкантов и сто и две-сти лет назад. Имена иногда забываются, но искусство остается... Я расскажу вам о судьбе юного музыканта, который жил в одно время с замечательным русским скрипачом, композитором и дирижёром Иваном Евстафьевичем

Хандошкиным. О нём вы слышали в прошлый раз. Хандошкину, можно сказать, повезло. Он хоть и умер в нищете и забвении, но всё же был известным и признанным артистом. А вот судьба юноши, о котором я собираюсь вам рассказать, сложилась совсем иначе.

Инструменты приготовились слушать, и Русская Скрипка, немного помедлив, начала.

РАССКАЗ

Светлое петербургское небо едва потускнело, но густая листва за окном плотно заслонила белую ночь, и в комнате с тёмными шёлковыми обоями стало темновато. Граф Разуваев крикнул лакея и велел зажечь свечи.

Свечи ожили. Слуга опустил шторы, и мир словно уменьшился до размеров графского кабинета.

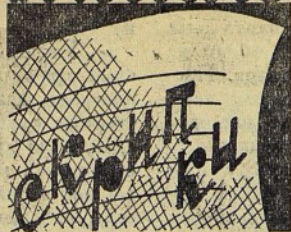
Разуваев неторопливо вспорол новую колоду карт. Напротив него сидел маркиз Клод де Гранвиль — богач, блестящий дворянин и остролов, носивший одну из самых знатных фамилий Франции. Партнёры играли в одну из тех многочисленных карточных игр, в которых бессмысленность и случай с успехом заменяют смысл и расчёт. Столбики золотых монет уже несколько раз перекочёвывали с одного края стола на другой, меняя высоту и хозяев. Игра находилась в той стадии, когда развлечение грозит превратиться в скучную обязанность продолжать поединок лишь для того, чтобы не обидеть проигравшегося партнёра.

Граф глянул на часы. До приезда Хандошкина, а значит и до начала концерта, оставалось ещё около двух часов. Граф вздохнул. Лакей снова подал вина, и карты опять легли под руки партнёрам.

— Не придумать ли нам ставки позабавней, маркиз? — обратился к де Гранвилю Разуваев. — Что сто́ит, к примеру, ваша табакерка?

— Это работа Поля Бертон, — многозначительно ответил маркиз. — Назовите мне имя русского ювелира, чью работу вы могли бы положить напротив моей.

Граф промолчал. У него были вещи и получше маркизовой табакерки. Но вот беда — имена тех, кто делал эти вещи, не пользовались такой громкой славой, как фамилия одного из лучших ювелиров Франции. И хо-

тя прямого ответа на свой вопрос граф не получил, он понял, что маркиз табакерку на игру не поставит.

— Воля ваша, — скрывая разочарование, сказал он.

Они сыграли ещё несколько партий.

Наконец, небрежно бросив карты, Разуваев поднялся и пригласил француза в гостиную.

— Нынче у меня в гостях будет Иван Евстафьевич Хандошкин, — сказал он, пропуская впереди себя француза. — На всю Россию знаменитый скрипач.

— Хан-дош-кин? — переспросил француз, старательно выговаривая трудную для него русскую фамилию. — Русский скрипач?!

И рассмеялся.

— «Русский скрипач», — сказал он сквозь смех, — звучит так же странно, как «французский... ээ-э-э... ба-ла-лаеч-ник...»

Маркиз был очень горд, что вымолвил такое трудное русское слово без ошибок. Но Разуваев, против ожидания, не оценил изыскной шутки. Чуть отяжелевший от выпитого вина язык худо слушался графа, но он всё же отпарировал:

— Французских балааечников не слыхивал. А вы русских скрипачей слыхали?

— Увы, граф. Ведь мы, французы, значительно реже бываем в России, нежели вы в Париже.

Граф промолчал: ничего, сейчас чванливый парижанин получит хороший урок.

А в гостиную уже вносили попутры из дорогого резного дерева, зажигали все свечи, и граф жестом приглашал в комнату невысокого господина с большими красивыми глазами. Это и был Иван Хандошкин, любимец всеильного князя Потёмкина, лучший скрипач России.

Хандошкин удивлённо огляделся — в гостиной были лишь он да хозяин

с французом. Больше слушателей не предвиделось. А Разуваев уже хлопнул в ладоши, и в гостиную один за другим вошли музыканты, одетые в одинаковые кафтаны и панталоны. Белый напудренный парик обрамлял лицо каждого из оркестрантов. Простые широкие лица выглядели весьма нелепо под завитками париков. Впереди шёл молодой скрипач, совсем мальчик. Под мышкой у него была кипа нот, а в руке скрипка. Положив инструмент на стул, он поклонился присутствующим и обеими руками протянул Хандошкину ноты. Хандошкин кивнул в ответ и веером распустил страницы. Ни одного русского имени! Композиторы: итальянцы, немцы, французы...

— Друг мой, — обратился Хандошкин к мальчику-скрипачу, — принеси-ка мне мою скрипку и ноты. Они в передней остались.

Молодой скрипач сделал было движение, но испуганно взглянул на графа и не двинулся с места.

— Ну?! — сердито крикнул изрядно уже охмелевший граф. — Тебе говорят! Оглох, лопоухий?! Живой! — И, усмехнувшись, добавил с издёвкой: — «Друг мой»!

Первый скрипач помчался в переднюю.

— Господин Хандошкин, — тихо по-русски сказал Разуваев. — Что это вы Ваську так обласкали? Какой он вам друг? Ведь холоп господский. Ещё и впрямь возмнит.

— Мы оба музыканты, граф, —

спокойно возразил Хандошкин. — А талант — он ведь не от господской воли зависит... Что, кроме вас и господина Гранвиля, никто нас слушать не будет?

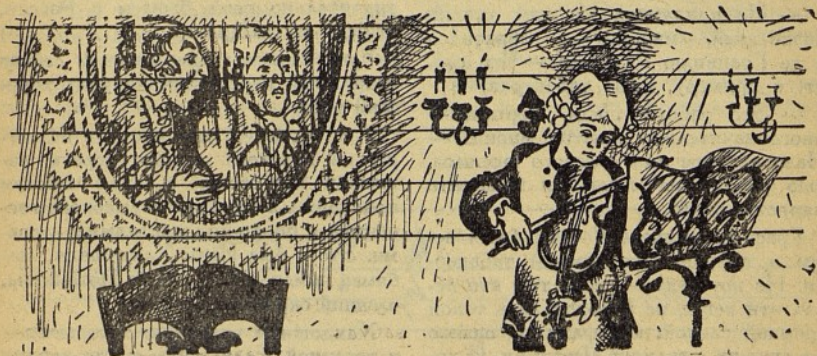
— Уж не обессудьте, — развёл руками граф и покачнулся. — Однако поверьте, даже стены этого дома достойные слушатели, ибо слышат всегда самую лучшую музыку. И самых наилучших мастеров. Именно потому вы мой гость нынче. А о моём оркестре, вы, надеюсь, наслышаны?

— О да! Если не ошибаюсь, им руководит капельмейстер Штольц? Но я не вижу этого достойного музыканта. Где же он?

— Ха-ха! Господин Штольц обиделся на меня: я, вопреки его просьбе, велел выпороть моего флейтиста за то, что он не задал вовремя корм лошадям. Эти немцы так обидчивы... А вот ваша скрипка и ноты.

Граф с Гранвилем уселись. Оркестранты открыли свои партии, и мальчик, первый скрипач, впился взглядом в Хандошкина. Хандошкин поставил ноты на пюпитр и взмахнул скрипкой.

Оркестр вступил точно и звучно. Играли «концерто гротто» — большой концерт. Слово соревнуясь между собой, вступали разные группы инструментов. То всплывали над звучанием оркестра две звонкие скрипки, то оркестр заглушал их своим суровым ответом. А над всем этим половодьем звуков глубоко и неотрывно пела скрипка Хандошки-

на. Он играл, лишь краем глаза глядя в ноты, фантазируя на ходу, перехватывая то голос первых, то голос вторых скрипок. Ироническое выражение сошло с лица Гранвиля. Брови его встретились над переносицей, взгляд стал острым, сосредоточенным. Наверное, впервые в жизни он слушал не отвлекаясь, целиком отдавшись музыке. Разуваев, не скрывая своего удовольствия, постукивал ногой в такт музыке.

Гранвиль захопал первый. Вскочив, он пожал руку Хандошкину и, ни слова не говоря, уселся на место, всем своим видом показывая, что готов слушать такое исполнение целый вечер.

— Не угодно ли господам послушать вариации моего собственного сочинения? — спросил Хандошкин.

— Уг-годно, — вяло махнув рукой, ответил Разуваев.

Первый скрипач побледнел от волнения, когда принимал ноты от Хандошкина. Графу Разуваеву было решительно наплевать на то, что музыкантам придётся сейчас играть произведение (и, возможно, трудное), которое они до этого ни разу не играли и не слышали. Играть, что называется, с листа. А Гранвиль, как и музыканты, понимал, что сейчас может произойти катастрофа. Как ни странно, он не ощутил ничего похожего на злорадство. Искусство Хандошкина покорило его, и он желал успеха музыкантам. Наступила тишина. Музыканты подобрались как для прыжка. Хандошкин подбадривающе улыбнулся, чуть прикрыл глаза и дал вступление.

Они поняли друг друга сразу — оркестр и скрипач. Поняли, как люди, родившиеся на одной земле, дышащие одним воздухом, говорящие на одном языке. С удивлением и восхищением слушал Гранвиль незнакомую ему музыку. Она была сильнее утончённого и избалованного вкуса маркиза. Она заставляла себя слушать, эта необычная мелодия. А Хандошкин играл так, словно играет в последний раз в жизни.

И вдруг раздался треск. Шейка скрипки вылетела из корпуса инстру-

мента и повисла на четырёх струнах. Хандошкин растерянно глянул на изуродованный инструмент и, ещё мысленно продолжая мелодию, сообщал, что клей, видимо, отсырел и вот... Как жаль прерывать игру! Слушавшая оркестр, внутренним голосом он всё ещё продолжал мелодию, как вдруг она зазвучала где-то вне его. Хандошкин удивлённо поднял голову. За его спиной, глядя в ноты на пюпитре, стоял мальчик-скрипач и играл так, словно знал и учил партию уже много лет. И в то же время он играл так свежо, с таким чувством, будто сейчас сочинял эту музыку и сам был удивлён её красотой и певучестью.

С графа словно хмель слетел. Он и Гранвиль подались вперёд, забыв обо всём на свете, поражённые необычностью происходящего. Хандошкин, опустив на ковёр обломки скрипки, стал переворачивать страницы партии. И мальчик, в дурацком напудренном парике, в костюме не по мерке, превратился из холопа, крепостного, — в господина, чья власть и воля сейчас были для всех священны, хотя о такой власти не было записано ни в одном государственном законе.

Когда последний звук растаял, наступила тишина. Первым пришёл в себя Хандошкин. Он повернул скрипача лицом к свету. Пареньку было лет пятнадцать, не более. Мальчик втянул голову в плечи, ожидая наказания за свой дерзкий поступок. А Хандошкин, нисколько не смущаясь, обнял паренька и спросил:

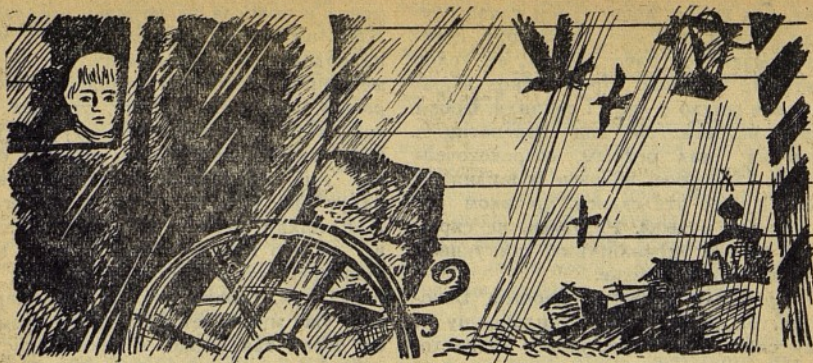
— Как тебя зовут?

Мальчик молчал. Хандошкин переспросил. Ответа не было. Наступила тягостная пауза. И тогда в тишине заплетающимся языком граф произнёс:

— Н-не разговаривает... Слышит, н-но не разговаривает... Н-немой...

Хандошкин вздрогнул. Затем вздохнул и погладил мальчика по руке.

— Спасибо, дружок, — сказал он тихо. — Выручил меня. Я о тебе забуду. Граф, — решительно обратился он к Разуваеву. — Этот отрок

должен учиться. У него великий талант. Такие, как он, — будущее русского искусства. Я прошу вас отпустить его в ученье. Недавно я имел честь получить высочайшим повелением назначение в музыкальную академию в Екатеринослав. Там, в силу знаний своих и умения, я надеюсь преподавать вашему музыканту премудрость музыкальных наук.

— Да, — покачнувшись на стуле, ответил граф. — Зело способен к музыке Васька... С-сейчас отпущу его... Сию же минуточку!.. Эй!..

В гостиную влетел лакей с новой запотевшей бутылкой.

— Не то! — сердито крикнул граф, отстраняя бутылку. — Бумагу и ч-чернил... В ученье В-ваську милостиво отпускать б-буду...

Гранвиль, не понимая русского языка, с лёгким удивлением следил за действиями графа. А лакей спешно принёс прибор, и граф решительно, хотя и криво, стал строчить на гербовой бумаге. На секунду задумавшись, какую фамилию дать благодетельствованному им Ваське, он написал «Василий Кухаркин», ибо отец Васькин умер давно и фамилии его граф не помнил, а мать мальчика была графской кухаркой.

— П-печать, — сделав величественный жест, потребовал граф. Он явно любовался своим небывалым великодушием.

Хандошкин радостно улыбался, а музыканты и мальчик-скрипач расширенными глазами следили за про-

исходящим. Вернулся лакей и сообщил, что бюро, где лежит печать, заперто. Граф стал вспоминать, где лежат ключи, но в голове у него шумело и, махнув рукой, он устало молвил:

— З-завтра... Ступайте все!

— Позвольте откланяться, ваше сиятельство, — подошёл к графу Хандошкин. — С вашего позволения я заеду к вам завтра и увезу с собой юношу.

— Пожалуйте, — едва ворочая языком, ответил граф и, достав горсть монет — карточный выигрыш, — щедрым жестом захмелевшего человека сыпал их в руки Хандошкину.

— Если граф не возражает, — принимая плату за концерт, ответил Хандошкин, — я одарю и тех, кто разделил нынче со мной успех.

Он подошёл к мальчику-скрипачу и отдал ему часть денег. Затем подошёл к каждому из музыкантов и rozdal оставшиеся деньги, раскланялся и вышел. Граф махнул рукой, и музыканты, взяв пюпитры и ноты, вышли из гостиной.

— Поздравляю вас, граф, — раздался голос француза. — Прекрасный оркестр. Ваш дом полон неожиданностей — я ожидал услышать одного посредственного скрипача, а услышал двух замечательных артистов. Искусство их сравнимо лишь с игрой великого Вьотти. И вы имеете возможность наслаждаться игрой одного из этих скрипачей каждый день.

— А вы имеете счастье ежедневно наслаждаться игрой этих прекрасных бриллиантов, — ответил граф, глядя на сверкающую табакерку, которую вертел в руках Гранвиль.

— Хотите обмен? — улыбаясь, спросил маркиз.

— В-вашу руку, маркиз! — воскликнул граф и по-купчески, с размаху, глядя на сверкающую табакерку, улыбавшегося маркиза...

На другой день, в три часа пополудни, графу доложили о приезде Хандошкина. Граф долго заставил себя ждать, а затем вышел злой и поздоровался осипшим голосом, морщась от мигрени. Голова у него буквально раскалывалась, и он с трудом припоминал вчерашнее.

— Я завтра отбываю в Екатеринослав, — напомнил Хандошкин. — И желал бы взять с собой скрипача вашего...

— Ваську, что ли? — перебил Хандошкина граф. — Подписал я ему бумагу... М-да...

— Весьма великодушно! Такие, как он, — будущее российской музыки. Через пять лет вся Европа заговорит о новом русском таланте.

— Однако я к сему делу отныне непричастен, — заметил граф. — В Париж отбыл Васька. С маркизом де Гранвилем. А у меня взамен вот эта шкатулочка с камушками.

Хандошкин не сразу понял. А когда понял, пунцово покраснел от гнева

и, едва сдерживаясь, бросил графу:

— Так, сударь, и всю Россию на камушки выменять недолго!

— В моем доме?! — медленно выпрямился граф. — Вы забыли, с кем разговариваете, господин Хандошкин! Честь имею!

Но Хандошкин уже не слышал его. Он уходил прочь, и в голове у него стучало: «...взамен вот эта шкатулочка... взамен вот эта шкатулочка...»

Она лежала на столе и поблескивала холодными бриллиантами, отражая пасмурное петербургское небо. А по дорогам России в последний раз проезжал человек, блеск таланта которого мог бы затмить сверкание всех драгоценных камней, принадлежавших графским фамилиям страны.

Скрипка закончила рассказ, и еще долго стояла тишина.

— Действительно, печальная история, — вздохнул Гобой.

— Позвольте, — опомнился вдруг Барабан. — Почему же печальная? Вполне возможно, что в чужой стране скрипач стал знаменитостью.

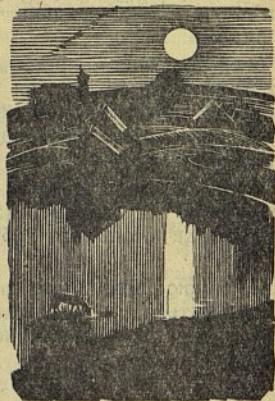
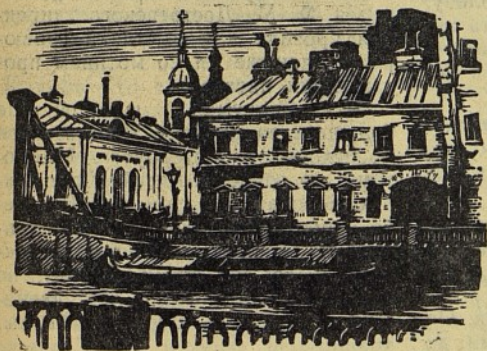
— Не думаю, — тихо прозвенела Арфа. — Чтобы стать большим художником, вдохновенным артистом, мало иметь природный талант, мало пройти хорошую школу. Нужно, чтобы тебя окружали и вдохновляли люди, которые так же дороги тебе, как земля, на которой ты родился и вырос; люди, с которыми у тебя общие радости и горести, одна судьба...

ХУДОЖНИК УШИН

НЕСКОЛЬКО лет назад купил я книгу стихов Михаила Дудина «Песня о Вороньей горе». По привычке стал сначала смотреть рисунки. Не знаю, как вы, а я—прежде, чем сесть за книгу,—всегда сперва просматриваю рисунки.

Листаю страницы... Вот в чёрном небе над Петропавловкой маячит аэростат. Вот будто навечно вмерзшие в снег троллейбусы. Вот надолбы на перекрёстках ленинградских проспектов...

Посмотрел я гравюры и только хотел взяться за чтение, как меня позвали по какому-то делу.

Через несколько дней увидал я такую же книгу у своего приятеля.

— А-а, — говорю, — хорошая книга.

— Читал? — спрашивает приятель.

— Читал, — говорю. — Там про блокаду...

Мне действительно казалось, что я прочитал книгу, хотя на самом деле, — только просмотрел гравюры.

— Да нет, — говорит приятель, — там не про блокаду. Там о Вороньей горе. Где-то краешком, может, и про блокаду, но главное — высота «Воронья гора».

Странно, а мне казалось, что про блокаду...

Стал читать. И постепенно понял, в чём дело: всему виной были гравюры художника Андрея Ушина.

Можно по-разному оформить книжку. Некоторые художники так протокольно следуют за писателем, что даже подписывают под своими

рисунками: «К странице такой-то...» Ничего подобного не делает Ушин. Как бы параллельно поэме Михаила Дудина он создаёт свою поэму из гравюр.

Михаил Дудин рассказывает о Вороньей горе, о штурме, о победе. Андрей Ушин — о городе, о неподвижных заснеженных улицах, о фугасах, рвавшихся на площадях. На первый взгляд гравюры вроде бы не совсем уживаются с содержанием поэмы. Но это только на первый взгляд. Ибо что такое Воронья гора сама по себе? Обыкновенная высотка. Но фашисты установили на ней дальнобойные орудия и ежедневно снаряд за снарядом били по Ленинграду. Поэтому и шла, невзирая на пулемёты, наша пехота, лезла по склонам, чтобы не могли больше фашисты доставать ленинградцев своими снарядами...

Тогда же мне пришло в голову, что Андрей Ушин должен быть непременно ленинградцем и непременно из тех, кто сам видел и пережил блокаду.

Со дня выхода книжки прошло лет пять. И вот совсем недавно мне предложили написать об Андрее Ушине.

Не скрою, мне было интересно познакомиться с художником. Я узнал адрес его мастерской и отправился на Чёрную речку.

Дверь открыл сам художник. Он был в свитере с закатанными до локтей рукавами. В перепачканных чем-то чёрным ладонях — смоченная в керосине тряпка. Похоже — ремонтировал какую-то машину. Но оказалось — нет. Просто печатал гравюры.

Собираясь к Андрею Алексеевичу, я, чтобы не попасть впросак, почитал кое-что о гравюрах, узнал, например, что раньше гравюры чаще всего вырезали на специальных торцовых дощечках из дерева самшита, которое в столярном деле называлось «пальмой». Теперь же многие художники пользуются вместо дерева линолеумом. Для резки имеются специальные острые, как

бритва, ножички, называемые штихелями. Штихеля бывают самого разного сечения — треугольные, ромбовидные, круглые, прямые... Но больше всего меня поразило то, что гравюра, оказывается, вырезается как бы в зеркальном изображении. Если вырезаются какие-нибудь слова, то без зеркала их не прочтёшь, как, скажем, отпечаток на промокашке.

При печатании на выпуклые места линолеумной пластинки накачивается краска. А всякое углубление будет на бумаге белым...

Мастерской оказалась небольшая, с очень высоким потолком и высокими окнами, светлая комната. Если можно так выразиться, центром мастерской был печатный станок.

Андрей Алексеевич извинился и попросил подождать, пока он закончит печатание. Он сказал, что на днях получил письмо из Дома музея Ф. М. Достоевского: дирекция просила для выставки гравюры, сделанные им по мотивам произведений писателя.

«Ага, — подумал я, — действие большинства романов Достоевского происходит в Петербурге. Не потому ли взялся Андрей Ушин иллюстрировать его романы? Вот тебе и подтверждение, что он ленинградец». К тому же на вид художнику было лет сорок. Значит, во время блокады было лет двенадцать-тринадцать. Всё вроде бы выходило...

Тем временем на большом столе у окна росла и росла стопка свежих чёрно-белых оттисков.

Небольшим валиком, укреплённым на деревянной ручке, Андрей Алексеевич накатывал на пластинку с изображением липкую чёрную краску. Он делал это неторопливо и аккуратно, пока краска ровным слоем не покрывала все выпуклые места.

После этого осторожно брал пластинку и накладывал её изображением вниз на лежащий в печатном станке чистый лист шершавой белой бумаги. Бумага должна быть шершавой, чтобы лучше и крепче

впитывать в себя краску. Художнику помогала жена. Поскольку накатывание краски — работа далеко не беловая и пальцы у художника были как, скажем, у трубочиста, все дальнейшие операции по печатанию выполняла жена.

Чтобы мне пока не было скучно, Андрей Алексеевич предложил посмотреть папку с его работами.

Пытаться описывать картины или гравюры — это, по-моему, то же самое, что пытаться носить решето воду. Никакое описание не передаст всей полноты того, что изобразил художник. Не передаст, хотя бы уже потому, что картину или гравюру видишь всю сразу, а при чтении образ возникает постепенно, да ещё сильно зависит от воображения. И мне бы просто стыдно было перед художником, если бы я взялся описывать его работы. Их надо видеть.

Когда-то мне казалось, что гравюра и фотография — это почти одно и то же. На самом деле это далеко не так.

Как бы это объяснить?.. Пробовали вы, скажем, когда-нибудь шоколад без запаха? Припомните. Это бывает, когда насморк. Ешь, ешь, а вкуса никакого. Будто промокашку жуёшь.

Так вот, такая же приблизительно разница впечатлений от гравюры и от фотографии. Гравюра как бы прямо-таки пропитана жизнью. Я смотрю на оттиск из предложенной мне папки. Кусочек ленинградского пейзажа. Место где-то возле Ланской. Насыпь, уходящая электричка, домá. Линия электропередачи. Глядишь на всё это и будто слышишь, как мягко постукивают на стыках колёса, видишь, как подрагивают и чуть прогибаются под ними рельсы. Почему это?

Видимо, есть в изображении что-то, что оживляет его. Возможно, это какая-то игра света, сочетание линий, теней... А скорее всего, это что-то — есть частица сердца художника.

Ведь как делается снимок? Кусочек жизни, пойманный фотографом, проходит сквозь линзу, затем

сквозь пустую, внутренность аппарата и попадает на плёнку. Художник тот же предмет или пейзаж всегда пропускает через своё сердце. И всё, что он любит, всё, что ему дорого, всегда в той или иной мере проявляется в его работах.

Большая часть работ, которые я увидел, просматривая папку художника, была о Ленинграде или о его пригородах. И я подумал: если спросить Андрея Алексеевича, каким он представляет себе образ Родины, он, наверное, показал бы одну из гравюр о Ленинграде. Может быть, ту же Ланскую. Или один из пригородных зимних пейзажей. Или, может быть, освещённую летним солнцем берёзовую рощу на Карельском перешейке.

Древние мудрецы говорили: «Скажи, кто твой друг, и я скажу кто ты». Перефразируя эту поговорку, можно сказать так: «Покажи мне твои работы, художник, и я скажу, что ты за человек».

Я хоть и не разговаривал ещё с Андреем Алексеевичем, но уже знал наверняка, что из всех городов на свете ему нет дороже Ленинграда, что природа Карелии в миллионы раз милее ему каких-нибудь кипарисовых рощ, что летом он обязательно бродит по карельским лесам и что белой ночью с ним можно встретиться где-нибудь у Исаакия...

— Андрей Алексеевич, сколько вам лет было в блокаду? — спросил я, закрывая папку.

— Четырнадцать, — ответил художник.

— Расскажите, как вы начинали?

А начинал он так.

В 1943 году четырнадцатилетним мальчишкой был комендантом микрорайона. В его обязанности входило следить, чтобы на чердаках «его» домов всегда имелись ящики с песком, чтобы на ящиках всегда в исправности лежали специальные щипцы для хватанья зажигалок, чтобы в случае пожара не было никакой паники, чтобы в бомбоубежищах всегда был порядок, и мно-

гое, многое другое, о чём сейчас просто страшно вспомнить...

Чёрные обожжённые стены домов, выбитые стёкла, продаваемые сквозняками каменные лестницы, бродящие как во сне голодные, измождённые люди вокруг. Чтобы хоть по вечерам уйти в какой-то другой, свой светлый мир, Андрей стал при свете копилки вырезать на старых пальмовых дощечках отца освещённые солнцем лесные поляны, пёстрые в солнечном свете берёзовые рощи...

Надо сказать, что отец Андрея, Алексей Алексеевич Ушин, тоже был художником-графиком. Кто из взрослых не знает его прекрасные иллюстрации к сказкам «Тысячи и одной ночи»?

Перед войной отец много занимался с Андреем, но сидеть и ковырять штихелями дощечки, когда другие мальчишки гоняют мяч, играют в лапту, было так трудно!..

Теперь же, в глухие блокадные ночи, Андрей часами, не разгибаясь, резал и резал упругое дерево. Пальмовых дощечек было мало, и, сделав с одной несколько оттисков, он, плеснув на цементный пол ванной комнаты немного воды, шлифовал дощечку для новой гравюры.

Зимой, таская с Невы воду, он обморозил себе руки. Пальцы стали как деревянные. Еле шевелились. Пришлось на время оставить работу штихелями. Тогда Андрей придумал специальные упражнения и стал развивать пальцы. Постепенно в движениях пальцев снова появилась пластичность. Но даже теперь, спустя двадцать с лишним лет, художнику приходится ежедневно тренировать пальцы на специальном снаряде.

У каждого графика своя манера работать. Один, например, сперва со всеми подробностями рисует будущую гравюру на бумаге, а потом переносит рисунок на пластинку, на которой уже начинает резать. Андрей Алексеевич работает иначе. Сделав несколько приблизительных набросков на бумаге, что-то вроде плана, который вы, к при-

меру, составляете перед тем, как писать сочинение, он наносит на пластинку только контуры будущего изображения. Никаких деталей. Только общие контуры. Все подробности, все мельчайшие штрихи, так поражающие нас на гравюре, делаются им уже непосредственно штихелями.

Работы Андрея Ушина давно получили всеобщее признание. Достаточно сказать, что выставки его гравюр демонстрировались в США, Японии, Чехословакии, Польше, Австралии, Аргентине, Чили, Перу, Бразилии... А совсем недавно ему присвоили звание заслуженного художника РСФСР. Искусствоведы говорят о нём, как о глубоком художнике.

Уходя из мастерской, я попросил у Андрея Алексеевича несколько гравюр для «Искорки». Правда, прежде чем попасть на страницы журнала, их сначала пришлось немного уменьшить фотографированием, а от этого гравюры, конечно, кое-что потеряли. Но тут уж ничего не поделаешь.

И всё-таки как здорово! Посмотрите, какая солнечная роща на обложке! Будто идёшь между тёплых берёз, а вокруг такой праздник света. Прекрасный, безмятежный июньский день. И вдруг — стоп! Колочая проволока. Здесь шли бои. А этого нам не забыть ни в какой праздник...

И ещё один штрих к портрету художника.

Окончив печатать, Андрей Алексеевич, вымыв в керосине запачканные краской руки, неторопливо и с видимым удовольствием вычистил и стал протирать мягкой масляной тряпкой свой печатный станок. Такое же отношение к своему рабочему инструменту видел я на заводе у старых рабочих, больших мастеров токарного искусства. И это не случайно, потому что какую бы профессию ни выбрал человек, он никогда не станет большим мастером, если не будет отдавать всего себя до конца любимому делу.

А. ЗВЕРИНЦЕВ

Золотая рыбка

Жили-были два брата возле са- мой речки Фонтанки. Раз пошли они удить рыбу. Пришли в Летний сад, закинули в воду лески, ждут, когда клюнет.

— А что, — говорит Колька, — если бы нам вдруг попалась золотая рыбка?

— Хорошо, — говорит Толька.

— Ещё бы не хорошо! Это само собой. А вот что бы ты заказал, если б она тебя спросила?

Задумался Толька — прогадать боится. А Колька его торопит:

— Скорей, скорей заказывай! Рыбка не может долго на воздухе. Сдохнет, и ничего ты от неё не получишь.

Ну, Толька и говорит второпях:

— Ящик мороженого по двадцать восемь копеек!

— Хо! — смеётся Колька. — Вот догадался-то. Пока ты будешь есть, половина ящика растает. И, вообще, грипп у тебя получит-ся. Часа три удовольствия, а потом болей всю неделю. Хе-хе!

Досадно стало Тольке от своей несообразительности. Ведь и правда, ящик мороженого не ахти какое изобретение. А тут ещё Колька говорит:

— Ну, а я, я повелел бы рыбки сделать меня круглым отличником на всю жизнь. Вот мама была бы довольна!

Да, это придумал — ничего не скажешь. Здорово! Толька представил, как старший брат всю жизнь будет показывать маме сплошные пятёрки и как мама будет его хвалить. И ещё досадней стало Тольке. Ведь у него двойка по чистописанию.

— Пстой! — кричит он брату. — Я не хочу мороженого. Я тоже хочу быть круглым отличником!

— Э, нет, — не разрешает Колька, — рыбка уже выполнила твой заказ. Она не продавщица в магазине, обменивать товар не станет.

— Тогда я ещё заказ закажу!

— Больше нельзя. По одному на человека.

— А как же старик приходил к синему морю столько раз?

— Так то когда было? Теперь золотая рыбка уже учёная. И потом — старика посылала жадная старуха. Вот рыбка и жалела старика. А к нам она второй раз не приплывёт, это я точно знаю.

От такого объяснения у Тольки даже губы задёргались. Какая несправедливость! Ему придётся горестно давиться мороженым или раздавать кому попало, потому что много. А хитрый Колька тем временем будет получать пятёрки по всем предметам. Какая несправедливость!

— А почему ты первый меня спросил? — кричит Толька дрожащим голосом. — Давай снова!

Колька сначала не ответил — смотрел на поплавок, будто у него там клевало. А потом посмотрел на брата, увидел, какой он кислый, и тогда говорит:

— Снова нельзя, а то останемся, как в сказке, у разбитого корыта...

У Тольки брызнули слёзы.

— Снова нельзя, — говорит дальше Колька. — Но если приказать рыбки всё зараз и быстро её отпустить, она сделает. Не дворцы строить. Ящик мороженого ей хоть бы что сотворить. Или же отличником. Это она сможет. Заодно.

Толька утёр глаза кулаком, но ещё сомневается:

— А она не вильнёт хвостиком, если два желания?

— Не вильнёт, — успокаивает Колька, — потому что заодно и сразу.

— Ну, хорошо, — радуется Толька. — Пускай так и делает: мороженое и сплошные пятёрки всю жизнь.

— Сделала,—говорит Колька,— Но теперь и мне положено второе желание. Спрашивай меня, что я пожелаю ещё.

— Что ты желаешь ещё?—спрашивает Толька.

— Автомобиль «Волга».

— А, хитрый какой!

— Чего же я хитрый?—удивляется Колька.— Тебе заодно два заказа, мне тоже два — не больше твоего.

— Да-а-а,— снова начинает хныкать Толька,— тебе целую «Волгу»...

— Но ведь ты сам хотел ящик мороженого!

— Нечестно!—спорит Толька.— Хитрый какой!..

— Я не хитрый, я просто умней тебя.

И тут Толька как крикнет:

— Сам дурак! Не буду с тобой разговаривать!

Крикнул он так и отошёл от брата в сторону, совсем расстроенный. А Кольке неловко от этого сделалось. Хотя всё по-честному, но кажется, будто и правда обманул младшего.

— Ладно,— кричит он,— давай мне половину мороженого, а я тебя на «Волге» покатаю.

Ничего не ответил Толька.

— Я даже на переднее сиденье тебя посажу и дам за руль подержаться,— кричит ещё Колька.

А брат и на это не отвечает.

Тогда Колька закинул удочку к нему поближе, потихоньку подошёл сам. Встал рядом и говорит задушевно:

— Ну, чего ты? Не злишь. Хочешь, я дам тебе порулить? Сначала я, потом ты — сколько захочешь.

— А почему,— спрашивает наконец Толька,— почему это ты первый? Мороженое пополам, а за рулём ты первый. Опять обманываешь!

— Но ты же младше на три года!—возмущается Колька.

— Младшим надо уступать.

— Но ты же водить не умеешь!

— Ты тоже не умеешь.

— Я быстрее тебя научусь.

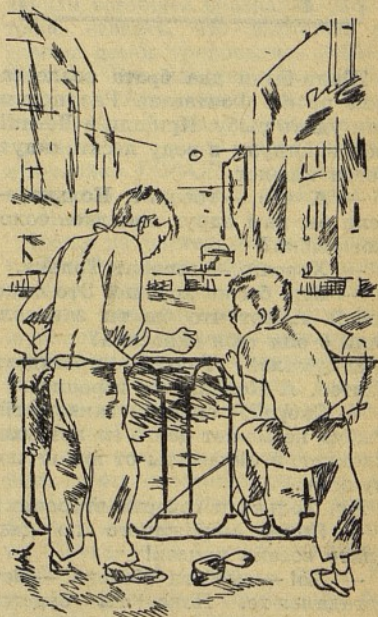
— Нет, я быстрее. Давай я первый буду рулить — вот и научусь. Тут уж Колька разозлился.

— А чего ты командуешь в моей машине? — кричит.

— Я буду рулить! — не слушает его Толька.

— Садись на заднее сиденье и помалкивай!

— Не сяду. Я буду рулить!

— Ах так! — кричит Колька, вконец разозлившись. — Вылезай из моей «Волги»! Ходи пешком и обедайся мороженым. А ну, вылезай!..

Посмотрели братья друг на друга, как настоящие враги, и разошлись по набережной. Колька в одном месте удочку закинул, Толька — в другом. Толька капает в воду слезищами, Колька плюёт с досады. И до того им противно жить на свете — хоть в Фонтанку кидайся. А тут ещё и не клюёт...

Сначала Колька ничего не мог, лишь одно делал — злился. А потом он стал думать. И вот он думает, что было бы, если б и в самом деле попалась на крючок золотая рыбка? Нет, он не стал бы

у неё требовать «Волгу». И отличником можно без рыбки быть. Ничего такого не заказал бы Колька у золотой рыбки. Одно попросил бы, он знал теперь что...

Не успел Колька до конца додумать свою мысль, как вдруг — раз! — клюнуло. Поплавок поплыл, поплыл и нырнул вглубь. Колька подсёк умело, выдернул леску и — вот это да! — выбросил на берег золотую рыбку. Бывает же!..

Толька, конечно, всё заметил, потому что давно посматривал в сторону брата. Он не ронял больше слёз в речку, а чего-то ждал от Кольки. И вот дождался — золотая рыбка! Но даже после такого чуда Толька не хотел прощать обиды. Он стоял и глядел, что там получится у Кольки с рыбкой. А Колька с ней разговор заводит:

— Хорошо, золотая рыбка, я тебя отпущу на волю. А ты сделай так, чтобы мы с братишкой никогда не ссорились. Можешь?

Что она там пропищала в ответ своим слабеньким голоском, Толька издали не услышал. Но, очевидно, рыбка обещала помочь. Колька сразу же бросил её обратно в Фонтанку. А потом подошёл к Тольке довольный такой, такой приветливый.

— Слышал? — спрашивает.

— Слышал, — говорит Толька и удивляется: — А разве так бывает? Это же сказка. Ты меня, наверно, опять обманываешь.

— Как же обманываю? — смеётся Колька. — Сам видишь: минуточку назад мы в ссоре были, а теперь помирились. Ты ведь не ревёшь?

— Нет, — говорит Толька, — я не реву.

— И я не сержусь на тебя, — говорит Колька. — Значит, всё правильно: рыбка держит слово. Хоршее желание я ей загадал?

— Хоршее, — соглашается Толька.

— А машина что!.. До восемнадцати лет всё равно шофёрских прав не дадут.

— Не дадут, — подтверждает Толька.

— И мороженого нам много не надо. А сколько надо — мама купит.

— Ну, конечно.

— А за чужой счет отличником быть нечестно.

— Да, нечестно.

— Вот чувствуешь, — радуется Колька, — как всё прекрасно получается. Золотая рыбка всё может.

И Толька тоже радуется в ответ:

— Это ты здорово придумал, чтоб нам не ссориться!

— Но главное, — говорит ещё Колька, — рыбка велела всегда помнить о ней. Когда мы начнём что-нибудь друг на друга, надо сейчас же вспомнить. И тогда она сразу прекратит нашу ссору. Понятно?

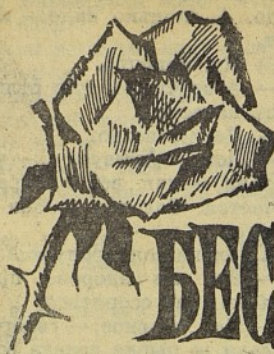
— Понятно, — говорит Толька, — чего ж тут не понять. А ты ей хоть сказал спасибо? Ведь это трудный заказ...

Потом братья долго удиили рыбу в речке Фонтанке, весёлые и дружные. Колька насаживал червячков на Толькин крючок, потому что младший не очень умел это делать. А плевал на приманку сам Толька, старший брат ему не мешал. Хорошо им было. И рыбы они наловили много — шесть штук. И вообще.

С тех пор — спросите кого угодно — Колька с Толькой никогда не ссорились. Если что-то начиналось такое, то кто-нибудь из них говорил:

— А помнишь золотую рыбку?

И всё на этом кончалось. По рыбкиному волшебству Колька уступал Тольке, а Толька уступал Кольке. Мама удивлялась, соседи поражались, все радовались тому, как дружно живут братья. Даже сами Колька с Толькой задумывались иногда, как же это так получается? Ведь рыбка-то, которую Колька отпустил обратно в Фонтанку, была не золотая, а обыкновенная плотвичка. Вот что самое удивительное!

РОЗА И БЕССМЕРТНИК

СКАЗКА

В час, когда начинает слепнуть сова и весёлые светлячки гасят свои озорные фонарики, в цветнике родилась Роза.

Первыми её заметили горные вершины. Просветлев, они сбросили серые шапки облаков да так и остались стоять с обнажёнными головами.

Притихшее за ночь море радостно вздохнуло, а предутренний бриз принёс Розе животворный морской воздух, пропитанный озоном, запахом водорослей и йода. Под его ласковым дыханием юная Роза развернула свои лепестки. Окунувшись в отблеск утренней зари, они стали пурпурными, как первые лучи восходящего солнца.

Тогда всё население цветника увидело дивную Розу. Со всех сторон побежали к ней проворные муравьи, заскользили по расщелинам юркие ящерицы, поползли неуклюжие букашки.

Услышав от ветра о рождении красавицы, завистливые бабочки направили к ней своих самых нарядных подруг. Но перед лицом дивной Розы они как-то потускнели, опустили свои хвастливые усики и почувствовали себя самыми заурядными насекомыми в пестрых крикливых юбочках.

— Эй, смотрите! Откуда это у нас появилась такая красотка?

На клумбу дивной Розы прыгнул длинноногий зелёный кузнечик. Это был смешливый беззаботный парень, отчаянный забияка и весельчак. Жил он обычно под веткой жимолости, около цветника. Самым большим его достоинством было то, что он умел прыгать выше всех насекомых.

— Можно мне поцеловать тебя? — спросил кузнечик.

— Подумайте, какой нахал! — зашелестели цветы.

— Не смей так разговаривать с нашей Розой! — загудел толстяк-шмель.

— Прогнать его из цветника! — подхватили невесты-бабочки.

А дивная Роза высоко подняла свою прелестную головку и сказала:

— Поцелуй, если допрыгнешь!

Кузнечик прыгнул — и без всякого труда коснулся алых ароматных лепестков своими насмешливыми губами.

С этого мгновения кузнечика словно подменили. Куда девались его озорство, весёлые шалости! Даже по ночам, перед уходом домой, под ветку жимолости, он, настроив свои крылышки, пиликал на них нескончаемую серенаду.

Под мелодию этой скрипки около дивной Розы затевали жаркие пляски стрекозы. К ним присоединялось всё летающее население цветника. Скромные цветы — резеда, левкой, вербена, фиалки — никогда раньше не тратили на свой туалет столько росы, не расходовали столько ароматного нектара. Все хотели показать себя Розе с лучшей стороны, быть достойными находиться с ней рядом.

В этом же цветнике жил и Бессмертник. Он был самым старым и угрюмым среди цветов. Много дней было за его плечами, много цветов рождалось и умирало на его глазах. А он стоял всегда один и тот же — без запаха, без нежных лепестков, некрасивый, но... долговечный. Он был мудр, как и полагается патриарху, и важен, как историк. Он считал, что житейский опыт даёт ему право вмешиваться в короткую жизнь цветов, судить их поступки, пророчествовать, наставлять.

В глубине своего честолюбивого сердца он почитал себя могущественным властелином цветочного царства.

Забывший ради дивной Розы населением цветника, он презирал всех за вероломство и глупость.

— Вы скоро увидите, как эта красавица склонит передо мной свою голову. Тогда вы поймёте, как смешны ваши привязанности, — хрипел он. Но в шуме восхвалений, поднятом возле Розы, его не было слышно.

Роза от общего поклонения не стала высокомерной и чванливой. Она была добра и приветлива — по утрам кланялась всем, даже диким колокольчикам и трубочкам повилики, даже одуванчикам, выросшим у навозной кучи. А когда Бессмертник не ответил ей на поклон, она искренне огорчилась:

— Что с вами? Вы, наверно, заболели?

— Не беспокойся обо мне, я здоров. Я проживу больше всех вас вместе взятых.

— Но почему же вы так грустны?

— Мне жаль тебя.

— Меня? — Роза удивилась. — За что же вы жалуете меня, мой добрый сосед?

— Не смей называть меня добрым. Я не добрый, а умный. Я не раздаю, как ты, свои соки прожорливым осам и пчёлам, я не распускаю вокруг себя ароматы, на которые слетаются безмозглые мухи, я не ношу яркой одежды, которая привлекает людей. Мой наряд груб и прост. Я велик, оставаясь в тени. И поэтому я знаю — моя жизнь не оборвётся под ножницами садовника.

— А разве мне грозит такая участь? Вы поэтому и жалуете меня?

— Ты делаешь всё для того, чтобы найти безвременную могилу в дурацких вазах человеческого жилья!

— Я не хочу этого! — заплакала Роза. — Научите меня, как нужно жить.

И Бессмертник стал учить Розу равнодушию к ближним, глухоте к их просьбам.

— Сострадание истощает наши силы, — говорил он.

Розе показалось, что он шутит.

— Разве отзывчивость — порок?

— Конечно, легче оказать услугу, чем отказать в ней. Расточительным быть легче, чем расчётливым.

Дивная Роза растерялась. Всё, что заполняло её жизнь, составляло радость её существования, поблекло, затуманилось.

И когда пролетевшая мимо усталая мушка попросила хлебнуть капельку росы с её лепестка, Роза не знала, что ей ответить. Она умоляюще посмотрела на Бессмертника. Но он только презрительно качался из стороны в сторону, и на морщинистых цветах его было написано: «Как ты глупа!»

— Я не позволю никому больше пить влагу из моих лепестков, — вдруг закричала Роза. — Пейте из лужи!

Пораженная её грубостью, не понимая, что стало с доброй Розой, мушка улетела.

Но когда она рассказала об этом подругам, её назвали сплетницей и не поверили ей.

— Это правда, что ты отказала мушке в капле воды? — мягко спросил её на следующее утро кузнечик.

— Прекратите все учить меня. Я сама знаю теперь, как мне жить!

— Что с тобой, дорогая моя? Ты нездорова? — Кузнечик, как обычно, прыгнул, чтобы поцеловать её, поздравить с добрым утром, но она резко откачнулась, и он со всего разлёта ударился о колючие шипы, окружающие Розу со всех сторон.

— Надоели все, надоели! — кричала Роза и даже не заметила, что её друг кузнечик упал на землю с рваной кровоточащей раной.

— Ты поступила правильно, — одобрил Розу Бессмертник.

«Ещё немного, — подумал он, — и всему цветнику станет ясно, что не Мудрость поклонилась Красоте, а Красота покорила Опыт и Рассудку».

— Что такое любовь ближних? — продолжал он поучать дивную Розу. — Скоропортящийся товар, который при первой нашей слабости выбрасывается на свалку. Сейчас они своей чрезмерной любовью утомляют тебя и тем самым только ускоряют твою и без того близкое увядание. А чем они подтвердят свою любовь? Чем помогут, если сейчас войдёт садовник и совершит над тобой свой приговор? Что же ты думаешь — они подставят свои головы вместо твоей? Как бы не так! Не жди!

И тут, словно в подтверждение мрачных предсказаний Бессмертника, в цветник вошёл садовник. С ним был мальчик в красном галстуке. В руках у садовника сверкали огромные садовые ножницы.

— Я обещал тебе для вашего праздника сделать букет из самых красивых цветов. Нынче цветы все хороши, все расцвели на славу! — сказал садовник. Он шагнул к розовым кустам.

— Спасайся, Роза, — в ужасе зашелестели цветы.

— Поздно, — злобно сказал Бессмертник.

Мальчик тоже смотрел на цветы. Глаза разбегались от их разнообразия.

— Спасайся, прекрасная! — Над дивной Розой метались бабочки, стрекозы, всевозможные мотыльки. Их-то и заметил мальчик. И тут же увидел Розу.

— Идите сюда скорей! — закричал он садовнику, который приостановился возле гладиолусов. — Смотрите! — Палец мальчика навис над прекрасной Розой.

Напрасно цикламены сами просились в руки садовника, напрасно старались отвлечь его внимание левкои, напрасно нарциссы шевелили своими гордыми головками, как бы убеждая, что в вазах они будут выглядеть не хуже Розы.

Когда ноги садовника оказались около клумбы, раненый кузнечик схватил его за сапог зубами.

И тогда Роза поняла, что они отстаивают её жизнь ценой своих жизней.

— А я смела подумать о них...

— Ну, ну, показывай! — сказал садовник.

— Горе! — вздохнул бриз, и мужественный боярышник, расслышав это слово, укрыл дивную Розу своей широкой веткой.

Но глаза ребенка были зоркими.

— Этот куст заслонил её! — воскликнул мальчик. Он ловко переломил ветку, мешавшую видеть Розу, и она, словно перебитая рука, повисла вдоль ствола боярышника.

— Смотрите, какая красивая! Можно её отдать нашей учительнице?

Над дивной Розой щёлкнули ножницы.

Навзрыд заплакали цветы. И даже Бессмертник вздрогнул. Не от жалости, а от сознания своего превосходства. Не он ли говорил, что скромность и осторожность — залог долголетия. Не вился бы рой глупцов над Розой, как знать, может, её бы и не заметили. А теперь прощай, красавица, расплачивайся за свою крикливую прелесть.

Но Бессмертник рано торжествовал: занесённая над дивной Розой рука человека опустилась... Ножницы разжались...

— А пусть-ка она ещё поживёт, — сказал садовник. — Завтра она станет ещё прекрасней.

Бессмертник заскрипел от обиды: неужели Красота победила Жестокость?

— Я позову папу, пусть и он посмотрит! — немедленно согласился мальчик.

Его папа был художником. Он долго смотрел на дивную Розу.

— Это самый прекрасный из цветков, который я когда-либо видел, — сказал он садовнику. — Право, она стоит того, чтобы жить вечно, хотя бы на холсте.

Он принёс мольберт, краски и стал писать портрет дивной Розы.

Это было для Бессмертника тяжёлым ударом. Чего же тогда стоили все его пророчества, если в будущем дивную Розу ждёт бессмертие, а в настоящем её слава достигла такой вершины, о которой он, долголетний, терпеливый, расчётливый, не мог даже и мечтать?!

Теперь обитатели цветника ещё нежнее оберегали Розу. Больной кузнечик уже не отлучался от неё ни на шаг. Прохладной ночью он старался своим дыханием обогреть её ствол. А когда начинался дневной зной, кусты протягивали над ней зонты из зелёных листьев.

Бессмертник видел всё это и краснел от ярости. Краснел, но не сдавался.

— Ты ещё пожалеешь о своём легкомыслии, — бормотал он, глядя на счастливую Розу, позабывшую все его наставления.

Хитрость изворотлива так же, как простосердечна доброта. Он нашёл, чем досадить дивной Розе.

— Да, художник добросовестно трудился над твоим портретом, но лучше бы он поберег краски!

— Почему? — зашумели цветы. — Или по-твоему дивная Роза недостойна того, чтобы из-под его кисти вторично появиться на свет прекрасным творением?

— Он не успеет закончить свою работу.

— Кто ему мешает?

— Вы!

— Не слушай его, дивная Роза. Он зол и завистлив!

— Слушай меня, Роза, и запомни, что я говорю. Это в последний раз: ты несчастна, потому что не умеешь быть чёрствой. Тебе недостает жестокости, чтобы дожить до твоего торжества. Тебя изведут чужие скорби!

— Мы не скажем ей о них!

— Тебя сломает ветер!

— Я не стану дуть.

— Тебя выпьют пчёлы!

— Мы не прикоснёмся к ней.

— Ты слышишь, Бессмертник... Вот кому я верю, — сказала Роза и наклонилась, чтобы посмотреть, что делает кузнецик.

А он лежал у её куста неподвижный и еле слышно стонал.

— Попробуй прыгни ко мне, я постараюсь унять твою боль, — позвала его Роза.

— Нет, я никогда уже не буду прыгать. — Дыхание кузнецика было прерывистым. Ему было очень плохо.

— Сам виноват! Тебя, шелопая, предупреждали, — равнодушно сказал Бессмертник. — Не хватай то, что не по зубам!

— Как вы можете так говорить! — задрожала Роза от возмущения. Она потянулась к кузнецнику.

— Ты шевелишься, дивная Роза, мне трудно работать, — недовольно поморщился художник.

Но Роза не думала больше ни о художнике, ни о своем портрете. Она хотела только одного — помочь кузнецнику.

— Приподнимись хоть немножко, я наклонюсь к тебе, — шептала она.

— Если бы я мог, я бы выздоровел. Ты согрела бы меня. Твой сок влил бы в меня жизнь.

— Потерпи немного! Я что-нибудь придумаю.

«Неужели она отвечает? Ветра нет, а она склонилась до самой земли, — подумал художник. — Какая беспокойная модель».

— Ты ломаешься, не губи себя, — умоляли цветы дивную Розу.

— Отдай мне один свой лепесток! — бредил кузнецик. — Я положу на него голову, и пройдет эта ужасная боль.

— Да, милый я сделаю всё, как ты просишь.

И дивная Роза обратилась к старому ветру:

— Дедушка, ты берег меня, как своё дитя. Спасибо тебе. Окажи мне ещё одну, последнюю услугу.

— Что ты задумала, внучка? — грустно спросил ветер.

— Ты знаешь. Разве ты любил бы меня, если бы у меня не было сердца!

— Я не любил бы тебя.

Ветер вздохнул глубоко-глубоко. И поднялся ураган. Зашатались, закрипели деревья, понеслась по дорожке слетевшая с художника шляпа. Упал мольберт с незаконченным портретом Розы.

— Держись, я иду к тебе, — успела крикнуть кузнецик дивная Роза.

Один за другим полетели вниз пурпурные лепестки, покрывая собой искаленное тельце.

— Как хорошо, — прошептал счастливый кузнецик.

— Как ужасно, — застонали цветы. И забились, затрепетали в отчаянии.

Когда художник со шляпой в руках вернулся на своё место, он не нашел дивной Розы. Оглянулся и тут же увидел оголённые стебли остальных цветов. Зато вся клумба была усыпана жёлтыми, белыми, синими, оранжевыми, красными лепестками.

— Сын, смотри. Такой картины ещё никогда никто не писал! — крикнул художник мальчику. — Цветы осыпались все сразу!

— Нет, не все, — сказал мальчик и указал на торжествующего свою победу Бессмертника.

— Вырви его скорей, он мне испортит всю картину! Скорей, скорей! — Художник натянул на мольберт новый холст и схватился за кисть.

И он нарисовал клумбу в виде огромного цветка, покрытого тысячами разноцветных лепестков. Они горели на полотне всеми цветами радуги, а в самом центре невиданного цветника радужным пятном полыхали пурпурные лепестки дивной Розы.

— А куда деть этот цветок? — спросил мальчик.

«Неужели мне предстоит судьба глупой Розы и я окончу свою жизнь в дурацкой хрустальной вазе? — подумал Бессмертник. — Хотя я и там сумею простоять вечность...»

— Ну кому же он нужен? — брезгливо скривился художник. — Выбрось его куда-нибудь!

* **БОЛГАРСКИЕ** ребята хорошо знают молодого писателя Евгения Василева. Работает он в газете болгарских пионеров «Септемврийче», но его рассказы, очерки, сказки передаются и по радио, ставятся на телевидении. А книжки Евгения Василева «Сви́тер с оленем» и «Чавдар — грозный гайдун» стоят на полках у многих ребят.

В прошлом году Евгений Василев был у нас в гостях и оставил для читателей «Искорки» несколько рассказов.

Вот они.

*

Евгений ВАСИЛЕВ

Лисий мяч

В марте это было. Пошли мы всем классом на прогулку. Лес ещё голый стоит, молчаливый.

Вдруг кто-то как закричит: — Лисица! Глядите — лисица!

Обернулись мы — и верно! Бежит лисица с горы. Да не просто бежит, а катит перед собой небольшой снежный ком. Носом подталкивает. И прямо к реке.

— Что это? — удивился я.

— В футбол играет, — засмеялся учитель.

И действительно, не лиса, а центральный нападающий прямо! То мордой ком подталкивает, то передними лапами! Ну и мы тоже — закричали, засвистели все — как болельщики на стадионе!

— Давай, лиса!

— Го-о-ол!

— У-у! О-о!

Лиса остановилась, мордочку подняла — и бегом от нас.

А снежный мяч вниз под горку катится. Так бы, наверное, и свалился в речку, да за куст зацепился.

Подбежали мы к нему — ничего особенного.

— Мяч как мяч! — говорит кто-то. Хотел его в руки взять, да как закричит: — Ой, больно!

Смотрим, а из лисьего мяча во все стороны иголки торчат.

— Ёжик, — говорит учитель.

Очистили мы снег осторожно, смотрим — и верно

ёжик! Свернулся клубочком и спит. На иголках — сухая трава, прошлогодние жёлтые листья накололись.

— Эй, ёжка, вставай! — закричали ребята.

— Бейте хоть в барабан — не проснётся, — объяснил учитель. — Не кончилась ещё его зимняя спячка.

— А чего лиса его катила? Почему к речке? — посыпались вопросы.

— Катила потому, что съесть хотела. А как его съесть? Колючки-то острые. Вот она и норовила ему холодную баню устроить в речке. Проснётся, мол, и развернётся. Тут-то она его и ам!

Место, где зимовал ёж, мы тоже нашли. Листья, что лиса разбросала, в кучку собрали. Положили ежа, засыпали травой, листьями — спи, досматривай свои сны!

Фиалковая подушка

Не помню точно, но кто-то мне однажды сказал, что нет слаще сна, чем на фиалковой подушке. Не на пуховой, а именно на фиалковой — набитой лепестками этих нежных весенних цветов. Очень захотелось мне поспать на такой подушке!

Утром взял я корзинку и пошёл на холмы.

Только фиалки собирать трудно. Ох, как трудно! Роешься, роешься в траве, по кустам лазаешь — ничего не прибавляется. Если за час наберёшь букетик, так и то хо-рошо.

Солнце уже высоко поднялось, а в корзинке и дно ещё не закрыто. Устал я, проголодался — пошёл домой.

— Зачем тебе столько фиалок? — удивился дедушка. — Торговать что ли хочешь?

— Нет, — говорю. И рассказываю про подушку. А дедушка смеётся:

— Пока их на подушку наберёшь, повянут все. Пошли-ка лучше со мной виноградную лозу подвязывать. А там я тебе другие цветы покажу. И собирать их легче, и спать на них ещё слаще...

Я согласился. Интересно ведь и про другие волшебные цветы узнать!

Вот только подвязывать лозу мне до этого никогда не

приходилось. Дедушка объяснил, показал, как это делается, и стали мы вместе работать. Я поднимал с земли виноградные лозы, а дедушка подвязывал их лыком к кольям. Не заметил, как и закончили всё.

— Ну, где твои цветы? — спрашиваю.

Дедушка мне руку на плечо положил:

— Погоди, внучек, давай сначала земляничник прополом.

Пропололи. Снова я про цветы спрашиваю.

— Не спеши, — снова говорит дедушка. — Вот яблони да груши ядом опрыскаем, чтобы гусеницы их не погубили, тогда...

Так до самого вечера и работали. То одно, то другое. Я так устал, что и про цветы забыл. Еле до дому добрался. Упал на кровать и уснул как убитый.

Утром просыпаюсь, — солнышко светит, птицы звенят. Хорошо! И так легко отчего-

то, словно крылья за плечами выросли — полетел бы прямо! Целых две больших чашки молока выпил.

И тут снова о таинственном цветке вспомнил.

— Как? — удивился дедушка и хитро кашлянул в кулак. — Разве не нашёл? Я тебе его под подушку клал...

Вскочил я из-за стола и бегом в свою комнату. Поднял подушку... А там обыкновенный виноградный лист лежит.

Сначала я обиделся. «Какой же это цветок? Да ещё таинственный! Смеётся дедушка, что ли?» А потом догадался, всё понял: потому я так сладко спал, что от работы утомился, потому что дедушке помогал.

Спрятал я листок — и во двор. Дедушка уже на виноградник собирается. Волон запряг.

— А я? — спрашиваю.

— Садись, — говорит дедушка и даёт мне в руку хвостину. — Погоняй, волон, помощник!

Капля- аристократка

Поставила хозяйка таз под водосточную трубу — дождевой воды набрать. Хорошо в такой воде бельё стирается.

А дождик летит из тучи к земле, брызжется!

И вдруг увидела одна дождевая Капля таз. Заволновалась! Потянула за стропы своего парашюта! «Вот, мол, ещё радость какая — в таз падать!»

Кое-как уцепилась за трубу. И как раз вовремя. А то ещё бы чуть-чуть — и коснулась бы она своей хрустальной пелеринкой крыши. И тогда — конец!

— Не для того я лечу с небесных высот, чтобы плавать с вами в мыльной пене, — бросила она подругам, улетающим к земле. — Чтобы я свою красоту в этом тазу погубила?! Нет уж, дудки!

Из трубы вилась тонкая струйка дыма. Очень вредная струйка! У Капли сразу заболели глаза, стало трудно дышать. Капля закашлялась, за-

чихала. Еле за трубу держится. Боится! Таз внизу!

— Хотя бы скорее налетел ветерок, дым разогнал, — ворчала Капля. — Или меня отнёс подальше...

Но ветерок как назло куда-то запропастился.

А дождь и вовсе перестал.

Капля вздыхала уже совсем печально:

— Бедная я бедная! Сколько же мне висеть на этой проклятой трубе, маяться? Даже причёску не поправишь!..

Услышал её солнечный луч и тут же любезно подал своё золотое зеркальце:

— Пожалуйста, мадам!

— О, благодарю вас! — томно улыбнулась Капля.

Взглянула она в зеркальце и... в страхе отпрянула. О, ужас! Её хрустальная пелеринка стала от сажи чернее воронова крыла! У Капли даже голова от огорчения закружилась.

— Ой, мама! — пропищала она. — Как я перепачкалась! И почему не осталась я в родных облаках?

Тут Капля без чувств грохнулась на черепицу.

Хозяйка между тем снова вышла на улицу, подошла к тазу с водой. И, конечно, она увидела чёрную, испачканную сажей Каплю.

— Фу, какая гадкая! — сказала хозяйка. — Как ты попала в мой таз? Всё бельё испортишь...

Она быстро зачерпнула ладшкой Каплю-аристократку и выплеснула её вон...

Перевёл с болгарского
В. ПОНОМАРЕВ

ЗУБАСТЫЕ КВАРТИРАНТЫ

Крокодилы Анго и Чанго живут в квартире днепропетровца Заркова. Пока у зубастых квартирантов мирный нрав. Большую часть времени они лежат в ванне. Только изредка выходят на прогулку — зимой по комнатам, а летом в сад.

Зарков в прошлом — цирковой артист. Он хочет научить выступать на арене своих постояльцев. Анго и Чанго уже выполняют некоторые несложные команды.

В письме, которое Мотескье передал морякам проплывавшего мимо танкера он сообщил: «Я решил совершить второе подряд кругосветное путешествие».

Бернар задумал совершить то, чего не удавалось ещё никому в истории.

ружен платан высотой 50 метров и диаметром ствола около 10 метров. Возраст этого великана не менее 2—3-х тысяч лет.

И вот уже несколько веков нависшая над пропастью часовня прочно стоит на накренившемся утёсе. Только сильные горные ветры порой раскачивают её вместе со скалой.

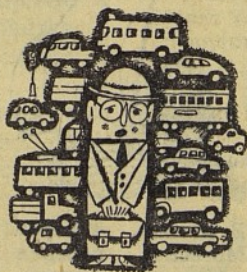
...в Бирме найден крупнейший в мире звёздчатый сапфир — драгоценный камень, отличающийся особой красотой играющих в нём лучей? Гигант имеет в высоту около 17 сантиметров и в ширину — около 70. До сих пор самым крупным сапфиром считался камень, найденный в Австралии.

...индийский зоопарк пополнился интересным обитателем — гималайским снежным леопардом? Это первый случай в Индии, когда снежный леопард содержится в неволе. Эти хищники водятся в Гималайских горах, на высоте 3—4 тысячи метров. Днём они обычно прячутся в горах, а ночью выходят на охоту. Сейчас снежные леопарды встречаются крайне редко. Правительство Индии запретило охоту на них.

...хитроумное приспособление для борьбы с комарами разработано в Австралии? Прибор представляет коробку, внутри которой установлены две лампы с ультрафиолетовым спектром излучения, особенно «нравящимся» насекомым. Передняя стенка прибора состоит из двух пар решёток, к которым подаётся ток высокого напряжения. Привлечённые светом насекомые попадают в эти решётки и гибнут.

...удивительную зелёную эмблему создал лесник Д. К. Ларин? Огромный участок леса возле города Заволожска Ивановской области с самолёта выглядит гигантской аппликацией, на которой зелёные разных оттенков изображены серп и молот. Более 30 лет трудился лесник, создавая уникальную зелёную эмблему на площади, равной 350 гектаров.

...все большие города мира страдают от перенапряжения своих транспортных артерий? Но нигде это не ощущается так мучительно, как в Токио. Если сопоставить площадь улиц со всей городской

территорией, то в Нью-Йорке она равна 35 процентам, в Париже — 26, в Лондоне — 23, а в Токио — только 10,3 процента. Интересно, что лишь 3 процента токийских улиц имеют тротуары.

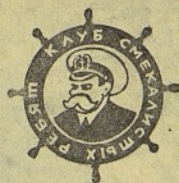
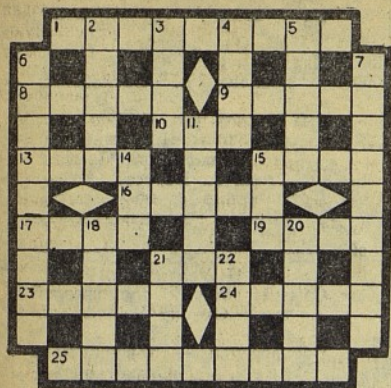
...самая крупная в нашей стране «колония» летучих мышей находится в Бахарденской пещере в Туркмении? Их здесь около 30 тысяч. За ночь летучие мыши уничтожают до 120 килограммов насекомых — вредителей плантаций, раскинувшихся у подножия Колет-Дага. Эта колония находится под охраной зоологов.

...известный в Подоллии уонец М. Г. Масюк создал «выставку», умещающуюся... на ладони? Её можно рассматривать только в лупу. Вот арка с надписью: «Добро пожаловать!», вот павильоны. На одном павильона — «Украинская народная посуда». Рядом павильон с набором кузнечного и слесарного инструмента. На открытых площадках стоят действующие машины. Всё это вырезано из дерева, металла, пластмассы.

...на земном шаре насчитывается более двух миллионов футбольных полей? Однако нет ни одного крытого. Первое футбольное поле под крышей появится в нашей стране и даже в нашем городе. Неподалёку от парка Победы строится огромный спортивный зал с футбольным полем размером 124 на 88 метров. На поле не будет травяного покрова. Он заменится ковром из синтетики.

...в Пятигорском музее краеведения есть редкий экспонат — реставрированный череп южного слона? По заключению специалистов, он принадлежал животному, жившему около миллиона лет назад. Череп весит более тонны. Это четвёртый по счёту скелет древнего животного, найденный на территории Советского Союза. Первый хранится в Ставрополе, второй — в Ленинграде, в Зоологическом музее, третий — в Тбилиси.

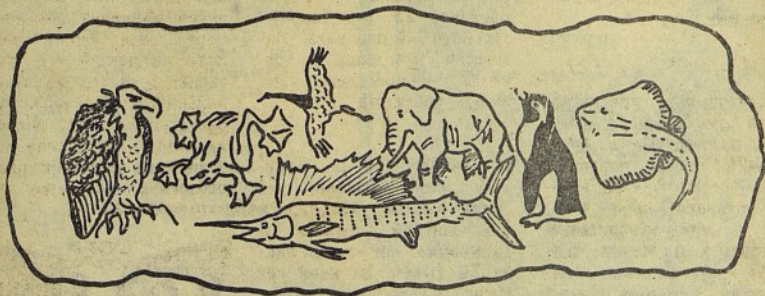

По горизонтали. 1. Спиртовая горелка. 8. Оружие, применявшееся в древности для разрушения крепостных стен. 9. Небольшой автомобиль для перевозки грузов. 10. Приток Волги. 13. Ставка хана у тюрко-монгольских кочевых народов. 15. Поэт-певец у древних кельтов. 16. Созвучие окончаний слов. 17. Водоросли, водяные мхи, плавающие густым скоплением в воде. 19. Возвышенность. 21. Садо-

вое и огородное растение. 23. Игра с мячом. 24. Задор, увлечение. 25. Паук.

По вертикали. 2. Праздничное торжественное шествие. 3. Овечья шерсть. 4. Болезнь, ныне почти исчезнувшая вследствие успехов санитарно - эпидемиологической службы. 5. Игрушка. 6. Профессия. 7. Прибор, указывающий пройденное машиной расстояние. 11. Одежда. 14. Попугай. 15. Немецкий композитор. 18. Давление в трубах водопроводной сети. 20. Животное, напоминающее и жирафа и зебру. 21. Планета. 22. Партийный псевдоним Тер-Петросяна, профессионального революционера-большевика.

КТО ТУТ ЛИШНИЙ?

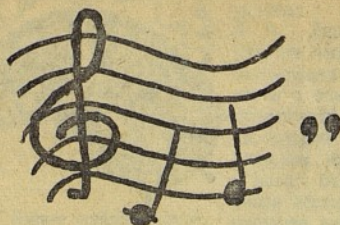

В этом «зоосаде» представители животного мира подобраны с известным смыслом...

Попробуйте проникнуть в тай-

ну художника. Если вам это удастся, то вы сможете найти здесь «лишний» рисунок, отличающийся чем-то от всех остальных.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Как вы думаете, какое слово зашифровала Наташа Фрейтаг в этом маленьком ребусе?

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 5)

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Лена. 2. Вена. 3. Каир.
4. Иран. 5. Бива. 6. Кама. 7. Перу. 8. Баку. 9. Амур.

ХИТРЫЙ РЕБУС

«...В дыму огонь блестел» («Бородино»).

РЕБУС-ЗАГАДКА

Висит сито, не руками свито (патуина).

ПО ДВЕ БУКВЫ

Ученье — свет, неученье — тьма.

ШУТКА

В два раза больше, чем дверей.

Содержание

На дачу. Стихотворение М. Ольшанского	1
Кармен и Костровы. Главы из повести В. Воскобойникова.	2
Мы строим дом. Люблю я полями и лесом. Синий бор, что монастырь. Дождик. Стихи А. Петрова	13
Путешествие по стране «Июнь». Рассказы Н. Сладкова.	14
Гостья. Рассказ П. Долматова и П. Успенского	19
Самый дорогой пушкинский том. Очерк Эд. Аренина.	23
Воскресенье — выспавшийся день. Стихотворение Н. Слепаковой	29
Тайна старого замка. Рассказ В. Скворцова.	30
Что ответило эхо. Рассказ В. Манасыпова	34
Как-то утром, спозаранку. В поезде. Стихи Л. Мочалова	35
Клуб «МИ». Статья Арк. Клёнова	36
Художник Ушин. Очерк А. Зверинцева	42
Золотая рыбка. Рассказ Н. Кузьмина	47
Роза и бессмертник. Сказка М. Скрыбина	50
Лисий мяч. Фиалковая подушка. Капля-аристократка. Рассказы Е. Василева	57
Пёстрые заметки.	61
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок художника В. Меньшикова «Кто за ягодами с нами?».	
На 2-й странице обложки гравюра художника А. Ушина «Осень».	
На 3-й странице обложки фотоэтиюд «Музыка». Шестилетний скрипач Егорка Бескровный, житель посёлка Вилибино на Чукотке. Фото В. Тетерина. (Фотохроника ТАСС.)	
На 4-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Птичица».	

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 28/IV 1969 г. Подписано к печати 12/VI 1969 г. 4 печ. л.
 М-34618. Заказ № 641. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.
 Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57.

Удба 10 кон

